

Григорий Петрович Данилевский

Каменка (Рассказы)

Григо́рий Петро́вич Даниле́вский (14 (26) апреля 1829, село Даниловка, Изюмский уезд, Слободско-Украинская губерния — 6 (18) декабря 1890, Санкт-Петербург) — русский и украинский писатель и публицист, автор романов из истории России и Украины XVIII–XIX веков.

Родился в богатой дворянской семье харьковского помещика, отставного поручика Петра Ивановича Данилевского (1802–1839). По семейным преданиям, подтверждённым, впрочем, и серьёзными документами, основателю этого дворянского рода, Даниле Данилову сыну в 1709 году выпала честь принимать в своём доме Петра I, возвращавшегося из Азова в Полтаву. Двоюродная сестра писателя, Ефросинья Осиповна Данилевская, приходилась бабушкой поэту Маяковскому.⁽¹⁾

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0022
III.....	.0039
IV.....	.0061
V.....	.0078

**Григорій Данилевскій
КАМЕНКА
(1821–1825 г.)
(Эпизодъ изъ временъ
Александра I.)**

(Посвящается М. И. Анненковой)

Мишель посѣтилъ Каменку впервые, осенью въ 1821 году, послѣ своего неожиданнаго перевода въ южную армію, въ полтавскій полкъ, изъ распущеннаго, за неповиновеніе, семеновскаго гвардейскаго полка.

Никогда потомъ, въ немногіе годы молодой и бурной, рано погибшей жизни, Мишель не могъ забыть ни своего заѣзда въ этотъ красивый уголокъ кіевской Украйны, ни его радужныхъ обитателей.

Это было въ концѣ ноября.

Его однополчанинъ по гвардіи и теперь ротный командиръ, по полтавскому полку, Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостоль собирався тогда въ свое родовое, миргородское помѣстье, село Хомутець.

— Хочешь, Миша, — сказалъ онъ ему: я по пути заѣду на именины въ Каменку.... тамъ, въ екатерининъ день, весело, — барышни, танцы.... а главное, увидишь общество замѣчательныхъ, истинно умныхъ русскихъ людей.

Ротный любилъ Мишеля, покровительствовалъ ему и былъ радъ доставить ему развлеченіе. Они поѣхали.

Дорога въ этой части чигиринскаго уѣзда шла извилистыми, лѣсистыми холмами. Погода была мглистая, съ небольшимъ морозомъ. Дубовыя, липовыя и грабовыя рощи, захваченныя раннимъ снѣгомъ, еще не потерявъ всѣхъ листьевъ, стояли то темными, то багрово-золотистыми островами, среди опустѣлыхъ, бѣлыхъ полянъ. Рѣдкіе сѣла и хуторы, съ историческими именами, Субботово, Смѣла, Мотронинъ и Лебединскій монастыри, напоминали гетманщину и недавніе, послѣдніе дни Запорожья.

Верстахъ въ сорока отъ Чигирина, извилистый проселокъ сталъ круто спускаться въ долину. Подъ пригоркомъ, пересѣкая Каменку на двѣ части, текла еще незамёрзшая рѣка Тясминъ. Сквозь морозную мглу блеснули маковки двухъ церквей, обозначились новые, вдаль уходящіе холмы и обширное, въ нѣсколько сотъ дворовъ, населенное малороссами и евреями, мѣстечко. На возвышенномъ взгорьѣ сталъ видѣнъ большой, двухъ-этаж-

ный, помѣщичій домъ, съ пристройками, — за нимъ старый садъ, красивыми уступами спускавшійся къ рѣкѣ, Барскій дворъ былъ уставленъ возками, санями. Кучера водили упаренныхъ лошадей. Прислуга суетилась между домомъ и дворовыми постройками.

— А знаешь-ли, кого еще мы можемъ здѣсь встрѣтить? — сказалъ спутникъ Мишелю, при спускѣ въ улицу, называя ему обычныхъ каменскихъ гостей: сюда, эти дни, ждали гостя изъ Кишинева... онъ уже навѣщалъ Каменку минувшею весной...

— Кто такой?

— Пушкинъ....

— Можетъ-ли быть?

— Увидишь.

Любопытство Мишеля было сильно возбуждено, и онъ не помнилъ, какъ вѣхалъ въ ворота и какъ ступилъ на крыльцо.

Восемнадцатилѣтній, темнорусый, голубоглазый и средняго роста юноша, Мишель въ это время съ виду былъ еще почти ребенокъ. Сильно впечатлительный, добраго и нѣжнаго сердца, онъ, подъ надзоромъ страстно его любившей матери, сперва воспитывался въ

Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, въ пансіонѣ какого-то парижскаго эмигранта — аббата. Образование ему было дано въ духъ того времени, чисто французское, такъ что, до поступленія въ гвардію, онъ даже съ трудомъ говорилъ по-русски.

Опредѣлясь въ полкъ, изящный, чувствительный и нѣжный воинъ не могъ равнодушно видѣть мученій мухи, комара. Полковая учебная стрѣльба бросала его въ краску и приводила въ дрожь. Затянутый въ узкій, офицерскій мундиръ, съ высокимъ, жесткимъ воротникомъ и острыми, длинными фалдочками, онъ, когда былъ веселъ, своимъ звонкимъ, задорнымъ смѣхомъ и рѣзвостью, а когда скучалъ, — томностью робкихъ, разсѣянныхъ глазъ, красиво-вьющимися кудрями и вздохами, напоминалъ скорѣе дикую, несложившуюся дѣвочку, чѣмъ сына Марса. Не желая, впрочемъ, отстать отъ товарищей, онъ любилъ себя показать лихачемъ, гарцовалъ по Невскому на красивомъ скакунѣ, участвовалъ въ дружескихъ попойкахъ, въ карточной игрѣ и прочихъ холостыхъ кутежахъ. Но его любимымъ занятіемъ было

чтеніе.

Западные и преимущественно французскіе историки, философы, романисты, поэты и экономисты были Мишелемъ съ жадностью прочитаны въ богатыхъ библіотекахъ его московской и петербургской родни. Съ книгой Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ, съ разсужденіемъ о законахъ Монтескье, съ Вольтеромъ и Дидеро онъ ознакомился съ такимъ же наслажденіемъ, какъ и съ Плутархомъ, Гельвеціемъ, Кондильякомъ, Гольбахомъ, Вателемъ и Руссо. Изъ русскихъ писателей онъ увлекался фантастическими балладами Жуковского и плакалъ надъ Лизой Карамзина. Но его идеаломъ былъ Пушкинъ... Мишель зналъ наизусть почти всѣ его стихи, въ томъ числѣ его неизданныя, смѣлыя и пламенные сатиры, ходившія въ то время въ безчисленныхъ спискахъ и читавшіяся на расхватъ: Лицинію, Деревня, Кинжалъ, Чаадаеву, на Аракчеева, Голицына и другія.

И вдругъ, этотъ Пушкинъ, этотъ идолъ молодежи, полубогъ, могъ быть дѣйствительно здѣсь же, въ Каменкѣ. Не шутитъ-ли товарищъ? не издѣвается-ли безъ жа-

лости надъ юнымъ поклонникомъ любимца парнасскихъ боговъ?

--

Виновница имениннаго съѣзда, еще сохранившая слѣды былой, замѣчательной красоты, величественная и любезная семидесятилѣтняя старушка, Екатерина Николаевна Давыдова была урожденная графиня Самойлова, сестра извѣстнаго канцлера и племянница свѣтлѣйшаго князя Потемкина. Отъ перваго брака у нея былъ сынъ, — извѣстный защитникъ Смоленска и герой Бородина и высотъ Парижа, генераль Николай Раевскій, два сына котораго, ея внуки, были друзьями Пушкина. Ея сыновья отъ втораго мужа, Давыдова, старшій Александръ и младшій Василій Львовичи, жили съ матерью. Высокій, тучный, свѣтлорусый и величавый, отъ природы неподвижный, лѣнивый и всегда полудремлющій Александръ Львовичъ, какъ и его мать, весьма схожій съ дѣдомъ Потемкинымъ, былъ женатъ на красавицѣ-француженкѣ, графинѣ Граммонъ. Василій Львовичъ, совершенная противоположность брату Александру, впослѣдствіи же-

натый на миловидной и доброй, дальней родственницѣ, Александрѣ Ивановнѣ, былъ съ виду въ покойнаго своего отца, — роста ниже средняго, съ курчавыми, темными волосами, веселый, со всѣми общительный, говорливый и живой.

Оба брата воспитывались въ Петербургскомъ пансіонѣ аббата Николь, служили, какъ всѣ тогда, въ военной службѣ, одинъ въ кавалергардахъ, другой адъютантомъ князя Багратіона — въ гусарахъ, отличились въ двѣнадцатомъ году и теперь находились въ отставкѣ, старшій генераломъ, младшій полковникомъ. Александръ Львовичъ съ семьей жилъ въ нижней, лѣвой части каменскаго дома, Василій — въ особой пристройкѣ, въ правой. Средину нижняго этажа, съ своими комнатцами, занимала старушка мать. Она вставала рано, обходила въ пристройкахъ разныя рукодѣлья, кружевницъ, коверщицъ и швей, навѣщали оранжереи, цвѣтники и свѣрjala свой брегетъ по солнечнымъ часамъ, устроеннымъ на садовой полянѣ, передъ домомъ. Всѣ обѣдали, пили чай и ужинали внизу у старушки, бесѣдуя въ общей, огромной,

увѣшанной фамильными портретами, нижней гостинной. Верхній этажъ и одинъ изъ флигелей служили для прїѣзда гостей.

Къ Каменкѣ принадлежали семнадцать тысячъ десятинъ земли, унаслѣдованной ея владѣлицей, благодаря дядѣ, свѣтлѣйшему Потемкину, то есть чуть не половина Чигиринскаго уѣзда, и Екатерина Николаевна заранѣе рѣшала почти всѣ уѣздные выборы, говоря одному — ты, батюшка, будешь предводителемъ, другому — тебѣ быть исправникомъ, или судьей.

Въ семейные праздники въ Каменку съѣзжались, кромѣ другихъ сосѣдей, Лопухиныхъ, Орловыхъ, родные хозяевъ, изъ Кіева Александръ и Николай Раевскіе, Поджіо и др. А теперь здѣсь былъ и недавно женатый на сестрѣ Раевскихъ, служившій въ Кишиневѣ, генераль Михаилъ Ордовъ, съ своимъ адъютантомъ, Охотниковымъ, генераль князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій и московскій гость, также бывшій семеновецъ, капитанъ Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ.

Мишель съ товарищемъ подъѣхали къ началу молебна. Всѣ гости были въ сборѣ, отслу-

шали исполненное пѣвчими многолѣтіе, поздравили именинницу и, въ ожиданіи пирога, размѣстались вокругъ хозяйки въ гостиной и частью въ залѣ. Слуги разносили чай. Степенный и важный дворецкій, Левъ Самойлычъ, съ порога поглядывалъ, все-ли въ порядкѣ въ залѣ и въ столовой.

Прерванный молебномъ, разговоръ оживленно продолжался. Мишель разсѣянно прислушивался къ толкамъ лицъ, которымъ передъ тѣмъ былъ представленъ. Съ нимъ заговорилъ младшій Раевскій. Но онъ и его едва слушалъ, оглядываясь и ища кого-то счастливыми, смущенными глазами.

Французскій говоръ здѣсь преобладалъ, какъ и во всемъ тогдашнемъ обществѣ. До слуха Мишеля долетали слова:— «кортесы рѣшили» — «Меттернихъ опять» — «силы якобинцевъ» — «Аракчеевъ» — «карбонары».... Кто-то передавалъ подробности о недавнемъ, неудачномъ, хотя столько пророчившемъ, вторженіи въ Турцію изъ Кишинева грека-патріота, русскаго флигель-адъютанта, князя Ипсиланти.

— Это сильно озадачило, смѣшало нашъ

кабинетъ, — произнесъ въ гостиной молодой женскій голосъ: добрая попытка не умереть....

— Да, но бѣдная родина Гомера и Өемистокла! возразилъ другой голосъ, и въ немъ Мишель узналъ своего ротнаго:— ждите.... нескоро вернется законное наслѣдіе четырехвѣковой жертвѣ турецкихъ кинжаловъ и цѣпей....

— Австрійцы вторглись въ Неаполь и мы же, имъ въ помощь, стянули войско къ границѣ, — толковали въ залѣ.

— И все Меттернихъ, Аракчеевъ.

— Но у насъ Сперанскій, Мордвиновъ....

— Придетъ пора!

— Два года назадъ, Зандъ расправился съ предателемъ Коцебу....

— А вы знаете новую сатиру Пушкина на Аракчеева? — спросилъ кто-то Раевского, въ двухъ шагахъ отъ Мишеля.

— Какъ не знать!.. «Достоинъ лавровъ Герострата?» — отозвался тотъ.

— Нѣтъ, а эти:

*«Безъ ума, безъ чувствъ, безъ че-
сти,*

*„Кто-жъ онъ, преданный безъ ле-
сти?“*

— «Просто фрунтовой солдатъ!»... еще бы! — да гдѣ же онъ самъ? ужли еще спить? — произнесъ Раевскій и, обратясь къ Мишелю, сказалъ: вы желали съ нимъ познакомиться.... хотите на верхъ?

— Постой, постой, — крикнулъ Раевскому младшій Давыдовъ, держа листокъ бумаги: Омелько пошелъ будить Пушкина, а онъ ему сказалъ и записалъ въ постели вотъ этотъ экспромтъ....

Давыдовъ прочель стихи: «Мальчикъ, солнце встрѣтитъ должно».

— Мило! прелесть! — раздалось со всѣхъ сторонъ. Мишель пошелъ за Василиемъ Львовичемъ. Поднявшись изъ сѣней, по внутренней, круглой, полутемной лѣстницѣ, Мишель и его провожатый остановились вверху, у небольшой двери. Мишель почему-то предполагалъ увидѣть Пушкина не иначе, какъ демонически-растрепаннаго, въ странномъ и фантастическомъ нарядѣ, въ красной фескѣ и въ пестромъ, цыганскомъ плащѣ. Раевскій постучалъ въ дверь.

— Entrez! — раздался за порогомъ негромкій, пріятный голосъ.

Къ удивленію Мишеля, Пушкинъ оказался въ щегольски сшитомъ, черномъ сюртукъ и въ бѣлыхъ воротничкахъ. Его непокорные, вьющіяся кудри были тщательно причесаны. Онъ сидѣлъ у стола. Свѣтлая, уютная комната, окнами въ садъ, на Тясминъ и зарѣчные холмы, была чисто прибрана. Ни безпорядка, ни сора, ни слѣдовъ воспѣваемаго похмѣлья.

— Бессарабскій.... онъ же и бѣсъ-арабскій! сказалъ съ улыбкой Раевскій, представляя Мишелю пріятеля.

— Что, пора?... развѣ пора? — торопливо спросилъ Пушкинъ, въ попыхахъ подбирая на столѣ клочки исписанныхъ бумагъ, комкая ихъ и пряча въ карманы и столъ.

Мишель съ трепетомъ вглядывался въ эти клочки, въ этотъ столъ и въ знакомыя по наслышкѣ, выразительныя черты любимаго, дорогого писателя.

— Пирогъ остынетъ, — съ укоромъ сказалъ Раевскій.

— Ну, вотъ! — поморщился Пушкинъ, оглядываясь на дверь: душенька, какъ бы безъ ме-

ня?

— Безъ тебя! да что ты? развѣ забылъ:

*«Тебя, Раевскихъ и Орлова
„И память Каменки любя....“*

— Оставь, голубушка! ужъ лучше и впрямь о пирогѣ, уныло отвѣтилъ Пушкинъ, поглядывая, все-ли спрятали со стола.

— Нѣтъ, — вдругъ перебилъ, заикаясь, краснѣя и самъ сей удивляясь, Мишель: нѣтъ, это неподражаемо, восторгъ.... "Недвижный стражъ дремалъ...." я все знаю.... или это:

*«И неподкупный голосъ мой
Былъ эхомъ русскаго народа....»*

Пушкинъ, надѣвая перчатки, радостно и ласково глядѣлъ на худенькаго и голубоглазого офицерика, въ стянутомъ воротникѣ и со вздёрнутыми, въ видѣ крылышекъ, эполетами, неловко и съ нерусскимъ выговоромъ произнесшаго передъ нимъ его стихи.

— А это? — почти крикнулъ взволнованнымъ, дѣтски-сорвавшимся голосомъ Мишель:

«Увижу-ль я, друзья, народъ

*неугнетенный,
„И рабство, падшее по манію ца-
ря?“*

Пушкинъ помолчалъ, взялъ шляпу.

— Не увидишь, милый, не увидишь, слав-
ный! — сказалъ онъ съ горечью и, обратясь
къ Раевскому, прибавилъ: объясни ему это,
Николай.

— Да почему-же? — спросилъ, замедляясь
у двери, Раевскій: развѣ тотъ, въ Грузинѣ, не
допуститъ?...

— Малюта Скуратовъ! врагъ честныхъ Ада-
шевыхъ! — проговорилъ Мишель.

— Да, онъ съ искоркой! — вполголоса ска-
залъ пріятелю Пушкинъ, спускаясь по
лѣстницѣ.

Мишель разслышалъ эти слова и былъ внѣ
себя, на седьмомъ небѣ.

Въ теченіе всего того дня, за завтракомъ,
обѣдомъ и чаемъ, Мишель не спускалъ глазъ
съ дорогаго гостя. Онъ любовался его шутка-
ми, остротами и шаловливымъ ухаживанье-
мъ за двѣнадцатилѣтнею, быстроглазою и хо-
рошенькою Адель, дочерью старшаго Давыдо-
ва, которой Пушкинъ, какъ узналъ Мишель,

передъ тѣмъ написалъ извѣстные стихи: "Играй, Адель."

Вечеромъ молодежь танцевала. Сосѣднія дамы и дѣвицы пѣли итальянскія аріи и французскіе романсы. Въ карты никто не игралъ, да и нѣкогда было. Общая, дружеская и разнообразная бесѣда длилась далеко за полночь.

Лежа въ постелѣ, въ комнатѣ, также отведенной наверху и случайно по сосѣдству съ Пушкинымъ, Мишель долго не могъ заснуть. — "Какая разница!" — разсуждалъ онъ: "этотъ домъ, кто общество и тѣ, гдѣ я прежде бывалъ! Правду сказалъ товарищъ: вотъ истинно-умные русскіе люди.... И какъ здѣсь все просто, безъ чопорности и праздныхъ затѣй.... Ни лишней, толкущейся, напыщенной челяди, ни всѣхъ обычаевъ стараго барства.... А разговоры? Давно-ли, въ видныхъ, даже гвардейскихъ семьяхъ, какъ о чемъ-то обычномъ, шли пренія о томъ, какъ полезнѣе наказывать солдатъ? часто-ли и понемногу, или рѣдко, но мѣтко? Давно-ли, не на моихъ-ли глазахъ, нечистые на руку офицеры жаловались начальству, что товарищъ этого

назвать негодяемъ, тому нанесъ ударъ по лицу? А здѣсь — два генерала, Волконскій и Орловъ, у нихъ въ полкахъ, какъ говоритъ Сергѣй Ивановичъ, отмѣнены палки, солдатское хозяйство отдано самимъ солдатамъ, заведены батальонныя школы, библіотеки. И все у нихъ тихо, солдаты отъ нихъ безъ ума. Что же это значитъ? и почему во главѣ правленія стоитъ ненавистный всѣмъ Аранчеевъ, а не Мордвиновъ и не Сперанскій, которыхъ всѣ такъ любятъ и отъ которыхъ такъ много ждуть? Боже, смилуйся надъ родиной. Вѣдь я такъ ее сильно, такъ горячо люблю. Ты — высшая правда, наше спасеніе и любовь!" Мишель заснулъ, вспоминая книгу Эккартсгаузена, которою нѣкогда такъ зачитывался: "Dieu est l'amour le plus pur".

На другой день, когда часть гостей разъѣхалась и, кромѣ двухъ-трехъ постороннихъ, остались близкіе друзья хозяевъ, Пушкинъ, исполняя желаніе дамъ, прочелъ въ слухъ конченнаго весной въ Каменкѣ "Кавказскаго плѣнника" и наброски новой поэмы "Братья разбойники". Восторгъ слушателей, особенно Мишеля, былъ неописанный. "Мнѣ

душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу!" шепталь Мишель, забывая окружающихъ и мысленно слѣдя за узниками, разбивающими цѣпи. Онъ сильно обрадовался, когда узналъ, что его полковой товарищъ, по просьбѣ хозяевъ, рѣшилъ еще погостить въ Каменкѣ.

Тѣсный кругъ собесѣдниковъ, по вечерамъ, собирался на половинѣ младшаго Давыдова. Разговоръ сталъ еще увлекательнѣе, живѣе. Толковали о недавнихъ столичныхъ новостяхъ: объ удаленіи, по доносу Фотія, министра Голицына, о запрещеніи книги преосвященнаго Филарета и "естественнаго права" профессора Куницына, о голодѣ въ Смоленской губерніи, откуда пріѣхалъ Якушкинъ, о пророческихъ радѣніяхъ модной сектантки Татариновой и о новыхъ движеніяхъ въ Испаніи и Пьемонтѣ. Кто-то сказалъ, что готовится распоряженіе о закрытіи всѣхъ масонскихъ и другихъ, тайныхъ и явныхъ, благотворительныхъ обществъ въ Россіи. Послѣдняя новость вызвала большіе споры.

Болѣе другихъ горячо и съ сердцемъ объ этомъ говорили младшій хозяинъ, Василій Львовичъ, и его товарищъ по петербургскому

пансіону аббата Николь, князь Волконскій. Старшій Давыдовъ, Александръ, слушалъ общіе толки нехотя и разсѣянно, то морщась, то снисходительно улыбаясь, куря сигару и лишь изрѣдка, хриплымъ, лѣнивымъ басомъ, вставляя свое слово.

Въ памяти Мишеля особенно врѣзался послѣдній изъ тогдашнихъ вечеровъ въ Каменкѣ.

Мущины, какъ всегда, пообѣдавъ, собрались покурить въ большомъ, съ мягкой мебелью, кабинетѣ Василя Львовича. Орловъ переглянулся съ Волконскимъ и, сказавъ что-то Якушкину, сѣлъ въ общій кругъ, къ столу, поглядывая на Пушкина. Они втроемъ какъ-бы о чемъ-то между собою условились.

— Господа, — сказалъ Орловъ, какъ всегда, по французски: у меня къ вамъ просьба; мы каждый день толкуемъ, споримъ, и все, кажется, безъ толку. Говорятся умныя вещи, а не сходимся ни въ чемъ, и неизвѣстно, на чьей сторонѣ правда. Попробуемъ вести разговоръ по парламентски.

— Это какъ? — спросилъ ничего не подозрѣвавшій младшій Раевскій.

— Выберемъ предсѣдателя... вотъ, кстати, на столъ и колокольчикъ, — улыбнулся черноглазый и статный красавецъ Орловъ.

— Bravo! — подхватилъ Пушкинъ, садясь

съ ногами на диванъ: будетъ старое вѣче....

— Республики въ Новгородѣ и Псковѣ процвѣтали семь вѣковъ! — не громко, но рѣшительно, проговорилъ Мишель.

— Искорка! — разсмѣялся Пушкинъ: но кого же въ предсѣдатели?

— Васъ, Николай Николаевичъ! васъ выбираемъ! — обратился Якушкинъ, очевидно по условію съ другими, къ младшему Раевскому.

— Тебѣ, тебѣ! — крикнулъ Пушкинъ, аплодируя другу.

— Избираемъ, просимъ! — подхватили остальные.

Всѣ тѣснѣе сдвинулись, съ трубками и сигарами, вокругъ большаго, укрытаго ковромъ, стола. Тяжело изъ угла, съ своей гаванной, подвинулся въ креслѣ и старшій, какъ всегда, плотно поѣвшій, Давыдовъ.

— О чемъ же пренія? — полушутя и полуважно спросилъ, берясь за колокольчикъ, Раевскій.

— Да вотъ, — началъ Якушкинъ: чего ни коснешься, рѣчь невольно заходитъ о томъ-же, незримомъ, безъ видимой должности и власти, человѣкѣ, который, между тѣмъ, те-

перь вся сила и власть.... Вы, разумѣется, понимаете, о комъ говорю?

— Еще бы, — отозвался Василій Львовичъ.

— Протей-министръ, — произнесъ Волконскій.

— Діонисіево ухо, — сказалъ, поджимая подъ себя ноги, Пушкинъ.

— Онъ лазутчески, подъ личиной скромности, — продолжалъ Якушкинъ: какъ змѣй, какъ тать, вползаетъ всюду, все порочитъ и хулитъ, ловко сѣя недоувѣріе въ монархѣ къ лучшимъ силамъ страны.

— Къ нему, въ Грузино, — подхватилъ Василій Давыдовъ: уже ѣздятъ не только члены государственнаго совѣта, даже министры....

— А ты, Базиль, хотѣль-бы, — хрипло прокашлявшись, перебилъ брата старшій Давыдовъ: чтобъ всѣ ѣздили въ твоему краснобаю, Мордвинову, или къ этой раскаявшейся, семинарской Магдалинѣ, - къ Сперанскому?

— Не перебивать, не перебивать! Къ порядку! — слышались голоса.

Раевскій позвонилъ. Александръ Львовичъ, брезгливо пыхтя, опустилъ спину въ крес-

ло, а подбородокъ въ жабо.

— Такъ вотъ, господа, — продолжалъ Якушкинъ: слыша это, всѣ мы, между прочимъ, знаемъ, кто въ настоящее время противится и лучшимъ мыслямъ государя... въ томъ числѣ предположенію о волѣ крестьянъ... Поставимъ вопросъ: возможна-ли, желанна-ли эта воля?

— Еще бы, — живо отвѣтилъ Волконскій: дарована свобода завоеваннымъ, прибалтійскимъ эстамъ и латышамъ... а сильная, древняя Россія...

— Побѣжденные ликують, побѣдители поработнены! — произнесъ съ чувствомъ Орловъ.

— Гоняемся за славой освободителей и повелителей всей Европы, — проговорилъ младшій Давыдовъ: а дома — военныя поселенія, Татаринава, Фотій и Магницкій.

— Такъ тебѣ, Вася, хотѣлось-бы освободить своихъ крѣпостныхъ? — спросилъ Александръ Львовичъ.

— Да, да и тысячу разъ да! — съ жаромъ и твердо отвѣтилъ младшій братъ.

Александръ Дьвовичъ грузно повернулся

лѣнивымъ, тучнымъ тѣломъ, попробовалъ опять прокашляться и привстать.

— А кто будетъ, Базиль, тебѣ дѣлать фрикандо, супъ а-ли тортю и прочее, — спросилъ онъ: если дадутъ вольную Митькѣ? и что скажетъ Левъ Самойлычъ?

— Всѣхъ освобожу, и теперь Митѣ и Самойлычу я плачу жалованье! — отвѣтилъ Василій Львовичъ: спроси, вонъ, Якушкина — ему графъ Каменскій давалъ четыре тысячи за двухъ крѣпостныхъ музыкантовъ его отца... а Иванъ Дмитріевичъ графу отвѣтилъ выдачей имъ обоимъ вольныхъ.

— Рисуетесь! — брезгливо прохрипѣлъ Александръ Львовичъ, сося полупогасшую сигару: въ якобинцевъ играете... мода, жалкое подражаніе чужимъ образцамъ.

— Какъ мода? извините! — обратился къ спорщику Волконскій: это постоянная мысль лучшихъ нашихъ умовъ.

— Гдѣ они? — кисло улыбнулся и зѣвнулъ Александръ Львовичъ.

— Екатерина думала, — отвѣтилъ Волконскій: графъ Стенбокъ, двадцать лѣтъ назадъ, подавалъ мнѣніе о вольныхъ ферме-

рахъ... Малиновскій совѣтовалъ объявить волю всѣхъ крестьянскихъ дѣтей, родившихся послѣ изгнанія Наполеона.

— Мордвиновъ предлагалъ планъ, — подхватилъ Орловъ: чтобы каждый, кто внесетъ за себя въ казну извѣстную сумму, по таксѣ, или пойдетъ охотой въ солдаты, былъ свободенъ.

— Опять Мордвиновъ! но вѣдь это все галиматья! — нетерпѣливо проговорилъ Александръ Львовичъ: *quelle idée!* воля безъ земли, безъ права на свой уголь, пашню, домъ... вѣдь фермеры...

— Отсталъ, отсталъ! — живо крикнули Давыдову Орловъ, младшій братъ и Волконскій: съ землею! рѣшаютъ дать землю!

— Кто рѣшаетъ? удивленно спросилъ и даже приподнялся Александръ Львовичъ, глядя на собесѣдниковъ.

Тѣ странно замолчали.

— Охъ вы, кроители законовъ и жизни!.. скучно!.. Партія! но вѣдь и Аракчеевъ партія... потягайся съ нимъ!

— Такъ по твоему все хорошо? и военныя поселенія? — спросилъ брата младшій Давы-

ДОВЪ.

— Нѣтъ, этого не хвалю.

— Наконецъ-то! но почему?

— Да какъ тебѣ это сказать? ну, просто нелѣпо и глупо устроено! ну, совсѣмъ глупо! — убѣжденно отвѣтилъ Александръ Львовичъ: всѣ эти поселяне, во-первыхъ, никуда негодные солдаты, а во-вторыхъ, внѣ фронта, постоянно недовольные крестьяне.... оттого и бунты....

Проговоривъ это, Александръ Львовичъ, сопя и сердито бурча себѣ подъ носъ, пересѣлъ въ глубь комнаты, на другой диванъ и, какъ бы рѣшивъ болѣе не спорить, закрылъ глаза.

Шли пренія о новомъ предметѣ. Сильно горячился Орловъ. Ему возражалъ Якушкинъ.

— Такъ какъ, по слухамъ, предполагаютъ закрыть массонскія и другія тайныя, благотворительныя общества, — сказалъ Орловъ: я прошу слова и предлагаю вопросъ: на сколько умѣстна и нужна эта мѣра? и можетъ-ли самый способный, благомыслящій чиновникъ замѣнить, въ смыслѣ общей пользы, частнаго, свободнаго дѣятеля?

— Парадоксъ! — произнесъ, очевидно условно, Якушкинъ.

— Далеко не парадоксъ, — возразилъ Муравьевъ: понятія народа грубы; насилія всякаго рода, продажность судей, воровство и грабительство снизу до верху и общая нравственная тьма, развѣ это не возмутительно?

— У насъ, кто смѣль, грабитъ, кто не смѣль, крадетъ, — сказалъ Василій Львовичъ.

— Отслужили когда-то честную службу массоны, — произнесъ Волконскій: но ихъ ученіе перешло въ нѣчто низшее нашего вѣка, въ мистицизмъ. Волтерьянство предковъ замѣнилось исканіемъ всемірной, слѣдовательно, опять не нашей, не насущной, истины. А время не ждетъ.

— Именно такъ, — сказалъ Василій Львовичъ: намъ надо отплатить низшимъ, страждущимъ слоямъ за все, что мы черезъ нихъ имѣемъ, за наше богатство, почести, образованіе, за превосходство во всемъ....

— Такъ, такъ! — отозвались голоса.

— Поэтому-то и въ виду нашихъ просвѣщенныхъ сосѣдей — нѣмцевъ, — произнесъ Орловъ: цѣня усилія и труды высо-

ко-рыцарскаго общества Тутендбундъ, этого борца за права челоѵчества, я, господа, предлагаю вопросъ: на сколько было бы полезно и у насъ учрежденіе подобнаго... тайнаго общества?

Всѣ на мгновеніе замолчали. Старшій Давыдовъ раскрылъ глаза. Пушкинъ сидѣлъ блѣдный, взволнованный. Мишель отиралъ смущенное, покраснѣвшее лицо.

— Какія цѣли этого общества? — спросилъ, взглянувъ на Волконскаго, Якушкинъ.

— Благотворительность, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, — отвѣтилъ Орловъ: ну, просвѣщеніе ближнихъ, облагороженіе службы на всѣхъ жизненныхъ ступеняхъ.

— Разумѣется, такое общество полезно! — сказалъ Василій Львовичъ.

Его поддержалъ Охотниковъ.

— О, еще бы! и скорѣе, господа! — съ жаромъ отозвался Пушкинъ: не откладывайте! при избыткѣ силъ, при глухой и ничтожной нашей обстановкѣ.... да это будетъ кладъ....

— Патріоты, члены такого общества, — прибавилъ младшій Давыдовъ: обновятъ заглохшую жизнь, укрѣпятъ, зажгутъ любовь

къ родинѣ у всѣхъ....

— Я противъ тайныхъ обществъ, — сказалъ, какъ-бы дождавшись своей очереди, Якушкинъ.

— Почему? — удивились нѣкоторые.

— Да очень просто, — продолжалъ Якушкинъ: буду говорить откровенно.... Всѣ тайныя общества у насъ вскорѣ будутъ запрещены, а это, по существу своихъ цѣлей, высокихъ и сокровенныхъ, не можетъ быть явнымъ.... И потому, вы меня поймете, — учредить такое общество, — значитъ прямо идти подъ грозный отвѣтъ Аракчееву....

— Не боюсь я вашего сатрапа! — запальчиво крикнулъ Пушкинъ: ученикъ Лагарпа, ставъ императоромъ Европы, не переставалъ быть нашимъ царемъ.... Онъ выслушаетъ насъ, пойметъ....

— А если графъ къ нему не допуститъ? — сказалъ, улыбаясь, Орловъ.

— Допуститъ! — произнесъ Пушкинъ, сверкнувъ глазами.

— Понимаю рѣшимость Курція и Винкельрода! — проговорилъ, охваченный дрожью, Мишель.

— Enfants perdus! — досадливо пробасилъ съ дивана Александръ Львовичъ.

— Такъ ты и въ этомъ противъ насъ? говори, противъ? — обратился къ нему младшій братъ....

— Еще бы — все фарсы!.. пересадка то нѣмцевъ, то Франціи....

— Какая?

— Да эти-то подземные рыцари.... все игра въ конституцію, въ партіи.... и все для успѣха толпы....

— Но эта толпа — родное общество, — убѣжденно сказалъ Орловъ: мы же его ближайшіе, кровные вожди....

— А я не согласенъ, — подзадориваль Якушкинъ.

— Пора достроить старое, великое зданіе, — произнесъ Волконскій...

— Рано, князинька, захотѣли быть на виду, карнизомъ! — возразилъ старшій Давыдовъ: не только наши стѣны, фундаментъ ползеть по швамъ.

— Стыдно, слушай! Ужли не понимаешь? — обратился къ брату Василій Львовичъ: вѣдь одно спасеніе въ такомъ обществѣ.

— Vous périrez, cher frère....

— Mais en honnête homme.... voilà.

— Et moi, moi, — заговорилъ, горячася и сверхъ обычая сильно волнуясь, старшій братъ: je vous die.... vous ferez bien du mal à la Russie, — съ этимъ вашимъ тайнымъ обществомъ!.. вы насъ отодвинете на пятьдесятъ лѣтъ назадъ....

Прошло нѣсколько мгновений общаго молчанія.

— Такъ, какъ-же? поставимъ прямо вопросъ: полезно-ли учрежденіе такого общества? — спросилъ Орловъ: рѣшайте.

Стали собирать голоса. Большинство, въ томъ числѣ самъ предсѣдатель, отвѣтили утвердительно.

— Мнѣ же не трудно доказать противное, а именно, что вы всѣ здѣсь шутите, — вдругъ сказалъ Якушкинъ: и первый намъ это докажетъ нашъ предсѣдатель.

— Какъ, такъ? — спросилъ, краснѣя, Раевскій.

— Дѣло просто, — продолжалъ Якушкинъ: ну, положимъ, мы васъ обманывали.... или нѣтъ, иначе говоря.... ну, представьте, что со-

юзъ, или тамъ тайное политическое общество, о которомъ сейчасъ шла рѣчь... уже теперь существуетъ и что вы среди его членовъ....

— Ну, и что-же? — спросилъ не совсѣмъ рѣшительно Раевскій.

Пушкинъ, Мишель и другіе впились глазами въ Якушкина.

— Такъ вотъ я къ вамъ, Николай Николаевичъ, обращаюсь, — проговорилъ Раевскому Якушкинъ: если такое общество существуетъ, вы навѣрное отказались бы вступить въ его члены?

— Напротивъ, изъ первыхъ бы къ нимъ присоединился! — отвѣтилъ Раевскій.

— Ой-ли? въ такомъ случаѣ, - торжественно произнесъ Якушкинъ: знайте, общество существуетъ.... вашу руку....

— Вотъ она! — нѣсколько подумавъ, сказалъ Раевскій.

— И моя, — съ жаромъ вскрикнулъ Пушкинъ.

— И моя! — радостно присоединился Мишель. Волковскій тревожно, изъ-за спины Орлова, дѣлалъ незамѣтные другимъ, знаки

Якушкину. Посдѣдній опомнился.

— Я пошутилъ, — сказалъ, смѣясь, Якушкинъ: мы условились съ Орловымъ: неужели можно было принять это за правду? тайнаго общества въ Россіи нѣтъ и быть не можетъ.

Орловъ, Василій Давыдовъ и Волконскій также смѣялись.

— Ну, и bravo! — проговорилъ, весело поворачиваясь въ креслѣ, Александръ Львовичъ: а то вы, господа, совсѣмъ было меня напугали.... глупая мода — эти общества! пустая и опасная....

Пушкинъ всталъ.

— Какъ? такъ это и въ-прямь была только шутка? — вскрикнулъ онъ взволнованнымъ, обрывавшимся голосомъ: вы издѣвались надъ нами? шутили?

Всѣхъ поразилъ видъ Пушкина. Въ его гнѣвно-пылавшихъ глазахъ дрожали слезы. На блѣдномъ лицѣ выступили красныя пятна. Весь онъ былъ взбѣшенъ и раздраженъ.

— Я никогда... о, никогда, — произнесъ онъ съ чувствомъ и сбиваясь на каждомъ словѣ: въ жизни я ни разу не былъ такъ несчастливъ, какъ теперь....

Всѣ слушали молча.

— Я вѣрилъ, — продолжалъ Пушкинъ: говорю среди честныхъ людей.... я замѣчалъ, почти былъ убѣжденъ, что тайный союзъ патріотовъ уже учрежденъ, или здѣсь же, среди насъ, получить свое начало.... Я видѣлъ высокую цѣль, видѣлъ жизнь мою облагороженною, нужною и полезною для другихъ....

— Александръ Сергѣичъ! Саша! полно, успокойся! — перебилъ это Раевскій: да твоя слава, жизнь....

— И все это была только шутка! или я не стою такой чести? — вскрикнулъ, дрожа и глотая слезы обиды, Пушкинъ: идеаль мой разбить! спасибо! зло шутите, господа....

Сказавъ это, онъ бросился изъ комнаты, надѣлъ въ передней шубу и шапку и вышелъ въ садъ. Видя его настроеніе, никто изъ друзей не рѣшился его остановить или слѣдовать за нимъ. Сдѣлалъ было движеніе Волконскій. Князю было жаль Пушкина, хотѣлось ему что-то сообщить, чѣмъ-то его утѣшить. Но и онъ остановился, подъ вліяніемъ тайнаго, грустнаго раздумья и почти священнаго благоговѣнія къ общему, пылкому другу.

Погода, по прежнему, была тихая, съ легкимъ морозомъ. Туманъ поднялся. Звѣздная ночь искрилась на оледенѣлыхъ деревьяхъ и кустахъ, на крышѣ дома и садовыхъ полянахъ. Окрестность молчала. Изрѣдка только снизу, черезъ садъ, доносился шумъ колёсъ водяной, на Тясминѣ, мельницы, работавшей на всѣ камни, благодаря недавнему половодью пруда и рѣки.

Пушкинъ шагаль сквозь кусты, по полянѣ, на шумъ мельницы. Его ноги легко скользили по хрупкому, снѣжному насту. Не замѣчая бившихъ его вѣтвей и падавшихъ на него ключевъ инея, онъ думаль горькія и вмѣстѣ отрадныя думы. Въ его мысляхъ носился сѣверъ, шумъ и блескъ имъ оставленнаго, столичнаго міра, и его молодые, праздно улетающіе годы. Слезы кипѣли въ его душѣ. Онъ чувствовалъ, какъ онѣ текли по его лицу, и не видѣль, что невдали отъ него, по тѣмной, скрытой въ деревьяхъ дорожкѣ, шель другой человѣкъ.

То былъ Мишель.

Самъ не сознавая, за чѣмъ онъ, безъ шинели и фуражки, также вышелъ въ садъ, Ми-

шедь, съ замираніемъ сердца, слѣдилъ доро-
гую тѣнь и думалъ: «Тайные союзы, обще-
ства!.. члены клянутся на шпагахъ, на ядѣ.... и
все для ближнихъ. Для блага страждущаго
человѣчества! Боже, какъ это страшно и
вмѣстѣ какъ возвышенно! И какъ бы я былъ
счастливъ, если бы удостоился этого выбора!
Они смѣются.... Нѣтъ, всякій обязанъ выпол-
нить долгъ къ родинѣ, къ низшимъ, угнетѣн-
нымъ слоямъ. Опасность, гибель?... Но, если я
и безъ того военный, а слѣдовательно всегда
готовый на смерть? И не все-ли равно, какая
и гдѣ смерть за другихъ? А это.... о! подобный
подвигъ — выше всѣхъ подвиговъ Наполео-
на.....

Безумныя мечты Мишеля сбылись.

Черезъ четыре года, онъ снова и не разъ навѣстиль Каменку. Но подѣ какими впечатлѣніями? Объ этомъ онъ не могъ думать безъ сладкаго и радостнаго трепета.

Это было въ 1825 году.

Мишель въ то время уже состоялъ членомъ тайнаго "Союза благоденствія", замѣнившаго прежній "Союзъ спасенія или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества". Болѣе того: онъ въ этомъ союзѣ тогда уже прошёлъ всѣ степени — братій, мужей и даже бояръ, имѣющихъ право принятія другихъ членовъ. Его бывшій ротный командиръ и покровитель, Сергѣй Муравьевъ-Апостоль, получивъ баталіонъ черниговскаго полка, въ то время состоялъ предсѣдателемъ одной изъ южныхъ управъ союза, именно Васильковской, гдѣ Мишель также состоялъ чѣмъ-то, въ родѣ товарища блюстителя. Предсѣдателями другой управы, собиравшейся въ Каменкѣ, были Василій Давыдовъ и, въ томъ году женившійся на другой сестрѣ Раевскихъ,

князь Волконскій. Мишель зналъ теперь, что четыре года назадъ Волконскому, въ Каменкѣ, было поручено принять Пуштина въ члены тайнаго общества. Онъ вспоминалъ, какъ тогда, ничего не подозрѣвая, тотъ сидѣлъ среди вожаковъ союза, и ему было понятно великодушіе Волконскаго, скрывшаго отъ Пушкина роковое порученіе.

Мишель также зналъ, что въ «союзѣ благоденствія», будто-бы распущенномъ въ Москвѣ, указанія всему давала Тульчинская или коренная дума. Предсѣдатель этой думы и всего южнаго союза не любилъ нерѣшительныхъ и малодѣятельныхъ. Мишель былъ дѣятеленъ и смѣлъ, но, по молодости лѣтъ, попадался въ необдуманнхъ выходкахъ и болтовнѣ, а недавно къ тому еще сильно влюбился.

Случилось это такъ. Ыздивши въ Кіевъ, по дѣламъ союза, Мишель на какой-то станціи перемѣнилъ лошадей и, едва миновалъ чей-то лѣсъ, услышалъ въ древесной чащѣ топотъ всадниковъ. На поляну изъ просѣки выскочили, повидимому, догоняя его, двѣ наѣздницы.,

— Arrêtez vous, Paul! — кричали онъ, махая платками: что за глупости, воротитесь!

Мишель остановился. Въ разсѣявшемся облакѣ пыли ему предстали двѣ незнакомки: одна молоденькая, красивая, въ синей амазонкѣ, блондинка, другая — въ зеленой, постарше, очевидно ея гувернантка. Обѣ, разглядѣвъ остановленнаго, сильно смѣшались.

— Извините, — сказала гувернантка: обѣ мы очень близоруки — здѣсь почтовая дорога, и мы васъ приняли за только-что уѣхавшаго кузена этой дѣвицы.... Не я-ли, Зина, тебя предостерегала?

Мишель, вставъ съ телѣги, вѣжливо поклонился.

— Съ кѣмъ имѣю честь? — спросилъ онъ.

— Зинаида Львовна Витвицкая, — отвѣтила гувернантка, указывая на сопутницу, я — Элиза Шонъ....

Мишель назвалъ себя.

— Извините и меня, — сказалъ онъ, обращаясь къ гувернанткѣ, какъ любитель верховой ѣзды, не могу утерпѣть.... вашъ мундштукъ сильно затянуть, лошадь деретъ голо-

ву, можетъ опрокинуться....

— Ахъ! — расхохоталась Зина, давно насилу сдерживавшая смѣхъ: вотъ любезно!.. а безъ этого вы, Элизъ, — вы.... упали бы.... ха, ха!

Раскатистый, звонкій смѣхъ дѣвушки увлекъ и гувернантку и Мишеля. Всѣ смѣялись. Гувернантка встала съ лошади. Солнце свѣтило весело. Жавороны рѣяли въ безоблачной синевѣ. Отъ лѣса несло душистою прохладой.

Пока Мишель возился съ мундштукомъ, изъ-за деревъ показался шарабанъ, въ немъ три мужчины и между ними одинъ военный.

— Вотъ вы гдѣ.... въ чемъ дѣло? — спросили подѣхавшіе.

— Мишель! ты какими судьбами? — вскрикнулъ военный. Въ послѣднемъ Мишель узналъ бывшаго товарища по семеновскому полку, Трепанина. Они дружески обнялись.

— Вотъ и кавалеръ! будетъ кадрили! — сказалъ Трепанинъ, представляя Мишеля прочему обществу.

— Отлично! милости просимъ къ намъ! —

заговорили мужчины: отдохнете, повеселитесь....

— Нельзя, спѣшныя дѣла, очень благодаренъ! — твердилъ Мишель.

— Полно тебѣ, - возразилъ Трепанинъ, такъ давно не видѣлись, — а это у моего дяди... уѣхалъ подѣ арестъ просрочившій мой братъ.... нѣтъ кавалера — будь любезень.... до Ракитнаго рукой подать. И тетушка будетъ такъ рада....

Новыхъ отговорокъ Мишеля не приняли. Онъ отпустилъ почтовыхъ. Его вещи сложили въ шарабанъ. Дамскихъ лошадей взяли на поводъ, и все общество направилось въ Ракитное, черезъ лѣсъ, пѣшкомъ.

Въ тотъ же вечеръ Мишель танцевалъ въ домѣ Витвицкихъ, гдѣ было нѣсколько сосѣднихъ барышень. На другой день была прогулка, верхами и въ экипажахъ, на пасѣку, въ какое-то лѣсистое займище, завтракъ на травѣ подѣ стогами и рыбная ловля въ озерѣ. А вечеромъ опять гремѣлъ домашній оркестръ и снова танцевали. Мишель не отходилъ отъ Зины. Онъ забылъ и неотложныя порученія управы, и поѣздку въ

Кіевъ, и весь союзъ. Такъ онъ здѣсь прогостилъ тогда съ недѣлю. Съѣздивъ въ Кіевъ, онъ на обратномъ пути вновь свернулъ въ Ракитное. — «Неужели?» — твердилъ онъ себѣ; «и что это значить? ни покоя, ни сна... все Зина, все она и ея свѣтлые, добрые, смѣющіеся глаза!» — Еще черезъ недѣлю, Мишель сдѣлалъ предложеніе Витвицкой и сталъ ея женихомъ.

Свадьба была назначена въ январѣ слѣдующаго года. Въ наступающемъ декабрѣ Витвицкіе собирались, съ дочерью, въ Москву, — дѣлать приданое и познакомиться съ матерью жениха. Мишелю, какъ штрафному, бывшему семеновцу, въѣздъ въ столицу былъ воспрещенъ, и онъ все обдумывалъ, какъ бы исхлопотать отпускъ и побывать въ Москвѣ, вмѣстѣ съ невѣстой.

Въ коренной думѣ косились на молодаго собрата, слали за него Васильковской управѣ замѣчанія и даже выговоры. — «Это безтолковый, невозможный мальчикъ», — говорилъ о немъ вожакъ южныхъ членовъ: «онъ рѣшителенъ до безумія, это правда; но у него голова не въ порядкѣ». — Муравьевъ, умѣряя

Мишеля, отстаивалъ его, ссылаясь на его искреннее служеніе общему дѣлу, и даже, по поводу его сватовства, указывалъ, что онъ болѣе посвящаетъ времени дѣламъ союза, чѣмъ своей невѣстѣ.

Мишель торжествовалъ: любовь и тайный союзъ!.. Романтическихъ клятвъ на кинжалъ и ядъ въ союзъ онъ уже не засталъ. При вступленіи, давалась простая, собственноручная росписка. Мишель помнилъ то сильное и страшное волненіе, которымъ онъ былъ охваченъ при подписаніи подобной росписки. И хотя онъ зналъ, что, по уставу прочтенной имъ «зеленой книги», эта его росписка была, вслѣдъ за ея подписью, сожжена, но съ того мгновенія уже не считалъ себя жильцомъ этого міра, а самоотверженнымъ и вѣрнымъ слугою того, скрытаго для остальныхъ и сильнаго человѣка, который тогда руководилъ почти всѣмъ союзомъ. Онъ о немъ не говорилъ даже невѣстѣ, хотя, вздыхая, намекалъ, что жизнь — бурная волна, не всегда щадящая пловцовъ.

Наконецъ, Мишель увидѣлъ и этого вожака, два года назадъ, на съѣздѣ, въ Тульчинѣ,

въ имѣнїи Мечислава Потоцкаго. Члены съѣзда собрались въ квартирѣ генераль-интенданта второй арміи, Юшневскаго, и всѣ были какъ бы не по себѣ. Говорили разсѣянно, вяло, посматривая то на дверь, то на часы. Мишель, впрочемъ, былъ въ духѣ. Онъ уже не боялся, что его, какъ случилось прежде, не знаютъ, и что о немъ могутъ обидно спросить сосѣда: «*Qu'est ce que c'est que cet homme, qu' on ne voit nul part?*». Онъ былъ всѣмъ извѣстенъ, и хотя казался все еще восторженнымъ мальчикомъ, его уже называли не просто Мишель, а Михаилъ Павловичъ.

Кромѣ предсѣдателя, ждали еще двухъ-трехъ запоздавшихъ товарищей. Въ назначенный часъ дверь отворилась.

Вошелъ невысокаго, даже нѣсколько ниже средняго, роста, плотный и на крѣпкихъ ногахъ, смуглый и съ прїятнымъ, строгимъ лицомъ, темно-волосый, коротко-остриженный и черноглазый, тридцати-двухъ-лѣтній человекъ. Сдержанный и вмѣстѣ привѣтливый на видъ, онъ сразу приковывалъ къ себѣ вниманіе.

— Здравствуйте, господа, — не опоз-

далъ? — спросилъ онъ, пожимая руки на право и на лѣво.

Мишель при этомъ голосѣ, съ внутреннею дрожью, сказалъ себѣ: это Пестель.

Сынъ бывшаго сибирскаго губернатора, воспитанникъ лучшихъ дрезденскихъ профессоровъ. потомъ пажескаго корпуса, Пестель въ двѣнадцатомъ году былъ раненъ въ ногу, двадцати лѣтъ уже имѣлъ шпагу за храбрость, былъ любимымъ адъютантомъ князя Витгенштейна, затѣмъ служилъ въ маріупольскихъ гусарахъ, во время греческаго возстанія былъ отряженъ для развѣдокъ въ Бессарабію и оттуда прислалъ государю Александру замѣчательную записку, смыслъ которой выразился въ новыхъ и тогда смѣлыхъ словахъ: «нынѣшняя борьба грековъ противъ ихъ угнетателей то-же, что нѣкогда была борьба русскихъ противъ ига татаръ». Теперь Пестель былъ начальникомъ вятскаго пѣхотнаго полка, состояніемъ котораго, на послѣднемъ смотру, государь былъ такъ доволенъ, что сказалъ: «Superbe! c'est comme la garde!» и командиру вятцевъ подарилъ три тысячи душъ крестьянъ.

Пестель вошелъ, съ толстою портфелью подъ мышкой, выслушалъ привѣтствія со-членовъ, сказалъ «къ дѣлу, mes chers camarades» и разложилъ бумаги на столъ.

— Это опытъ кодекса будущихъ законовъ, — произнесъ онъ самоувѣренно и просто: я позволилъ себѣ назвать это.... въ память другой попытки, при Ярославѣ.... Русскою Правдой.

И онъ сталъ читать почти конченный трудъ, о которомъ въ союзѣ было столько говору и ожиданій. Введеніе, распредѣленіе страны на области, округи, волости, на русскихъ и подвластныя племена, статьи о правахъ гражданства и о свободѣ крестьянъ текли плавно и легко. Мишель слушалъ съ напряженіемъ, хотя вскорѣ былъ нѣсколько утомленъ. — «Однообразное и длинное чтеніе», — подумалъ онъ: «но предметъ первой важности, глубокой, хотя по неволѣ сухой». Онъ не безъ удивленія и съ нѣкоторымъ ужасомъ замѣтилъ, что все-кто изъ слушателей морщился, какъ бы заглушая зѣвокъ, а иные даже усиленно мигали, стараясь отогнать непрощенную дремоту. «Такое дѣло, —

цѣлый подвигъ» — мыслилъ Мишель: а мы относимся такъ легко.....

Чтеніе обширнаго, политико-юридическаго трактата было кончено. Его составитель попросилъ высказаться о своемъ многолѣтнемъ трудѣ и, на два-три замѣчанія, перебивъ другихъ, заговорилъ самъ.

— Я никому въ жизни не желалъ зла, — сказалъ, между прочимъ, Пестель: ни къ кому не питалъ ненависти и ни съ кѣмъ не былъ жестокъ.... Я бы желалъ, чтобы мои мысли привились мирно къ каждому, чтобъ онѣ были приняты добровольно и безъ потрясеній. Вы, добрые товарищи, помогите мнѣ въ томъ....

«И какъ это ясно и просто!» разсуждалъ Мишель, понявъ то неотразимое и сильное вліяніе, какимъ Пестель пользовался въ средѣ союза. Умно и дѣльно, по его мнѣнію, говорили относительно прочитаннаго Юшневскій и Муравьевъ, Волконскій, Бяратинскій и Басаргинъ. Но даръ слова блюстителя южнаго союза былъ выше всѣхъ. Пестель перешелъ къ обсужденію тогдашняго положенія Россіи.

— Мы не ищемъ потрясеній, — говорилъ

тогда Пестель: наше стремленіе исподоволь подготовить, воспитать, своимъ примѣромъ пересоздать общество.... Становясь на разныя поприща, будемъ лучшими, надежными людьми и вызовемъ къ дѣлу такихъ же, другихъ....

Любуясь его голосомъ, смѣлымъ и яснымъ изложеніемъ задушевныхъ мыслей, Мишель невольно тогда вспоминалъ отзывы товарищей о суровомъ, почти отшельническомъ образѣ жизни Пестеля, о его богатой, классической библіотекѣ, о заваленномъ бумагами и книгами рабочемъ столѣ и о его упорномъ, непрерывномъ трудѣ. И ему становилось понятно, почему сухой, положительный и степенный Пестель вѣрилъ въ свои, казалось, неосуществимые выводы и мечты, какъ въ строго-доказанную, математическую истину.

— Мы воздухъ, нервы народа! выразился, между прочимъ, Пестель.

— Свѣточи! — съ жаромъ прибавилъ Юшневскій: насъ оцѣнять, особенно, Павелъ Ивановичъ, васъ....

Одно поражало Мишеля. Нѣкоторые изъ сочленовъ въ глаза Пестелю говорили одно

приятное, согласное съ его мнѣніями, и рѣдко ему противорѣчили, а въ его отсутствіи не только оспаривали его философскіе, казалось, неопровержимые доводы, но говорили о немъ съ нерасположеніемъ, порочили его мѣры и тайкомъ издѣвались надъ нимъ. Отъ него, какъ, на примѣръ, на московскомъ съѣздѣ, даже просто хотѣли избавиться. По слухамъ, и Пушкинъ отзывался о Пестелѣ неладно. — «Не нравится мнѣ этотъ сухой, философскій умъ,» — будто бы онъ сказалъ про него: «и я бы съ нимъ не сошелся никогда; умомъ я тоже матеріалистъ, но сердце противъ него....»

Самый проектъ уравненія крестьянъ съ прочими гражданами, составленный Пестелемъ, многіе изъ членовъ общества, особенно титулованные богачи, находили разорительнымъ для страны и невозможнымъ.

— Такъ быстро! это нелѣпость! по крайней мѣрѣ, десять или двѣнадцать лѣтъ переходной барщины! — говорили нѣкоторые, забывъ, что по этому предмету повторяли мнѣніе динабургскихъ дворянъ, одобрявшееся, по слухамъ, тѣмъ же, ненавистнымъ имъ, Арак-

чеевымъ.

Даже силу вліянiя Пестеля на нѣкоторыхъ изъ членовъ союза, въ томъ числѣ на близкаго ему Сергѣя Муравьева-Апостола, въ средѣ союза объясняли постороннею причиною, а именно месмеризмомъ. Какъ многіе тогда, волтерьянецъ и энциклопедистъ, Муравьевъ былъ, по словамъ нѣкоторыхъ, не чуждъ мистическихъ увлеченій. Онъ, между прочимъ, вѣрилъ в какую-то модную гадальщицу, близкую кругу Татариновой, которая ему предсказала «высокую будущность». Поклонникъ Канта и Руссо, Пестель въ глубинѣ души былъ также мистикомъ и, несмотря на свой матеріализмъ, не въ шутку считалъ себя одареннымъ силой месмеризма. Онъ допускалъ сродство душъ и ясновидѣніе и, подъ глубокой тайной, въ домашнемъ кругу, занимался магнетизированіемъ двухъ-трехъ изъ близкихъ друзей, въ томъ числѣ Муравьева. На этихъ усыпленіяхъ, по слухамъ, онъ провѣрялъ важнѣйшія изъ предположенныхъ мѣръ и будто бы узнавалъ чрезвычайныя указанія о будущемъ.

Мишель наконецъ услышалъ о своемъ

предсѣдатель и такое выраженіе одного сочлена: «Нашъ вождь — невозможный самолюбець и деспоть.... онъ ищетъ покорныхъ сеидовъ, слугъ, а не преданныхъ друзей.»

«Зависть, соперничество» — мыслилъ Мишель, разбирая въ умѣ мнѣнія товарищей: «увы! недоброжелательство вкрадывается и въ нашу возвышенную среду.... Что за причина? Павелъ Ивановичъ первый ясно и твердо опредѣлилъ нашу сокровенную, высокую цѣль и, кажется, неуклонно къ ней ведетъ. Все должно объясниться. Въ Каменкѣ назначены сѣзды южныхъ управъ. Тамъ все узнаю....»

* * *

Мишель посѣтилъ Каменку.

Это было въ августѣ 1825 года. Незадолго передъ тѣмъ, навѣстивъ свою невѣсту, Мишель побывалъ въ Кіевѣ и отъ тамошнихъ членовъ узналъ, что ихъ союзъ открылъ существованіе двухъ другихъ тайныхъ обществъ: «Соединенныхъ славянъ» и «Варшавскаго патріотическаго». Славяне тотчасъ слились съ союзомъ. Польское общество колебалось. Здѣсь были громкія имена: князь

Яблоновскій, графъ Солтыкъ, писатель Лелевель и членъ другаго, виленскаго общества «Θиларетовъ» — Мицкевичъ.

Патріоты-поляки, на первыхъ же совѣщаніяхъ съ русскими, основой общаго согласія выставили возвратъ Польшѣ границъ втораго раздѣла, и самую подчиненность польскихъ земель Россіи желали отдать на свободное рѣшеніе своихъ губерній. Въ этихъ переговорахъ участвовалъ и Мишель.

— Никогда! — вскрикнулъ, услышавъ о польскихъ требованіяхъ, Пестель: Россія должна быть нераздѣльна и сильна.

Мишель также съ этой поры сталъ за нераздѣльность Россіи.

Всѣ знали, что Пестель, изъ-за этого вопроса, недавно ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ между прочимъ долженъ былъ провѣдать о дѣятельности сѣверныхъ членовъ, и что теперь онъ былъ подѣ Кіевомъ, на личномъ и окончательномъ свиданіи съ польскимъ уполномоченнымъ, Яблоновскимъ. Въ Каменкѣ нетерпѣливо ждали его, съ отчетомъ объ этомъ свиданіи.

— Да не махнулъ-ли нашъ президентъ

опять на съверь? — сказалъ гостямъ Василій Львовичъ: а то, пожалуй, заѣхалъ опять на отдыхъ въ свое поэтическое Mon Bassy....

Такъ самъ Пестель называлъ, въ шутку и въ память «Méditations poétiques» Ламартина, — Васильево, небогатую и глухую смоленскую деревушку своей матери, гдѣ старикъ Пестель, нѣкогда грозный и неподкупный генераль-губернаторъ Сибири, проживалъ теперь въ отставкѣ, въ долгахъ и всѣми забытый. Между членами союза ходила молва, что въ Васильевѣ есть озеро, а на озерѣ укромный, зеленый островокъ, и будто Павелъ Ивановичъ, этотъ новый русскій Вашингтонъ, какъ называли тогда Пестеля, навѣщая родителей, любилъ уединяться на этомъ островкѣ, мечтая о будущемъ пересозданіи Россіи, и даже, какъ увѣряли, писалъ французскіе стихи.

— Этакъ онъ своего соперника, Рылѣва, заткнётъ за поясъ! — говорили злые языки.

— Неронъ тоже служилъ музамъ, — прибавляли завистники.

Всѣ эти толки сильно смущали и бѣсили Мишедя, и онъ, съ неописанною радостью, узналъ, что въ «одну изъ субботъ» Пестель

наконецъ явится на съѣздъ въ Каменку, съ послѣднимъ, рѣшительнымъ словомъ поляковъ.

Пестель пріѣхалъ.

Члены тульчинской, васильковской и каменской управъ были въ сборѣ. Субботнія засѣданія, по обычаю, происходили въ кабинетѣ Василя Львовича Давыдова. Александръ Львовичъ уже нѣсколько недѣль отсутствовалъ по дѣламъ другаго имѣнія. Женская часть общества Каменки не подозрѣвала причины этихъ съѣздовъ. Гости Василя Львовича являлись, какъ бы на отдыхъ, въ концѣ недѣли, присутствовали при общемъ чаѣ и ужинѣ, бесѣдовали въ кабинетѣ хозяина или на верху, и на другой день, послѣ завтрака или обѣда, разъѣзжались.

Мишелю отводили на верху ту комнату, гдѣ, четыре года назадъ, гостилъ Пушкинъ, нынѣ находившійся въ ссылкѣ, въ псковской деревнѣ родителей. Изъ оконъ этой комнаты, обращенной въ тѣнистый, теперь роскошно-зеленѣющій садъ, Мишель, въ безсонныя ночи, мечтая о Ракитномъ и о своей невѣстѣ, прислушивался къ шуму мельничныхъ коле-

сь, на Тясминѣ, но онѣ молчали.

— Что съ вашей мельницей? — спросилъ онѣ какъ-то Василя Львовича.

— Старый мельникъ умеръ, — отвѣтилъ тотъ: колеса и весь ходъ разстроились, теперь ее починяетъ англичанинъ-механикъ.

— Откуда взяли?

— Гревсъ прислалъ изъ Новомиргорода.... умѣлый и способный — изъ вольноопредѣляющихся солдатъ.

Въ одинъ изъ прїѣздовъ, гуляя по саду, Мишель увидѣлъ этого воина-механика и сперва не обратилъ на него особаго вниманія: солдатъ, какъ солдатъ, вѣжливый, приличный, въ бѣломъ кителѣ, съ унтеръ-офицерскими погонами, и въ бѣлой же, безъ козырька, набекрень, фуражкѣ. Встрѣтясь съ офицеромъ, солдатъ снялъ фуражку и, вытянувшись во фронтъ, прижался къ дереву, пока тотъ, кивнувъ ему, прошелъ мимо. Въ другой разъ Мишель замѣтилъ этого механика во дворѣ, черезъ который тотъ несъ въ кузницу какую-то желѣзную, мельничную вещь. Теперь онѣ его разглядѣлъ лучше. Механикъ былъ, въ полномъ смыслѣ, красавецъ, — англійскаго образ-

ца: бѣлолицый, сильный и статный, съ рыжеватымъ отливомъ густыхъ, коротко-стриженныхъ волосъ, въ бакенбардахъ, веснушкахъ, съ нѣсколько длинными передними зубами и вздернутою верхней губой. Его красивый, мясистый ротъ гордо улыбался, а большіе, свѣтло-сѣрые глаза смотрѣли смѣло, даже нагло.

Женской части общества Каменки этотъ механикъ, оказавшійся образованнымъ человѣкомъ и даже любящимъ музыку, былъ знакомъ. Онъ починалъ хозяйкамъ замочки къ ридикюлямъ, выпиливалъ тамбурныя иголки и вязальные крючки, склеивалъ дѣтямъ игрушки, и вообще оказывалъ разныя услуги, за что бывалъ приглашаемъ, на женскую половину, къ чаю и кофе.

Мужчины, толкуя въ своихъ совѣщаніяхъ о міровыхъ задачахъ, о пересозданіи человѣчества вообще и родины въ особенности, кромѣ озабоченнаго дѣлами хозяина и случайно Мишеля, даже не подозрѣвали о существованіи этого лица въ Каменкѣ. А между тѣмъ, въ крошечномъ флигелькѣ, скрытомъ подъ тѣнистыми грабами, на заднемъ чер-

номъ дворѣ, переживались, какъ и въ сокровенныхъ бесѣдахъ большаго дома Каменки, такія острыя, жгучія думы....

Мишель, въ послѣднее время, невольно задумываясь о своемъ положеніи, старался быть съ виду покойнымъ, не мыслить ни о чемъ мрачномъ. Онъ понималъ, какая страшная опасность грозила ему; видѣлъ, что все, чѣмъ отнынѣ его манила жизнь, можетъ нежданно, какъ и самъ онъ, погибнуть, и отгонять эти сужденія. Въ собраніяхъ онъ особенно выдѣлялся, сыпалъ смѣлыми до крайности словами, предлагалъ дерзкія, безумныя мѣры. Его разсѣяннo слушали. Всѣ ждали инаго, болѣе призваннаго голоса.

У невѣсты Мишеля въ Петербургѣ жила пріятельница, ея бывшая гувернантка, французенка Жюстина Гёбль. Дочь убитаго испанскими гверильясами полковника, Жюстина теперь содержала въ столицѣ швейный магазинъ и также собиралась выйти за мужъ за члена союза, знакомаго Мишелю, кавалергардскаго поручика Анненкоа. Пріятельницы дружно и весело переписывались, вовсе не думая ни о чемъ печальномъ,

тяжеломъ и грозномъ.

— Какъ зовутъ вашего механика? — спросилъ однажды Мишель Василя Львовича.

— На что вамъ?

— Вещь одна распаялась.... онъ сумѣеть починить.

— Иванъ Иванычъ Шервудъ.

IV

Джонъ Шервудъ, или, какъ его называли въ Россіи, Иванъ Ивановичъ Шервудъ, былъ сыномъ извѣстнаго англичанина-механика, вызваннаго въ Россію при Павлѣ, для устройства обширныхъ, суконныхъ фабрикъ, въ селѣ Старой Купавнѣ, въ богородицкомъ уѣздѣ, близъ Москвы. Управляя купавинскими фабриками, отецъ Шервуда обогатился, нажилъ нѣсколько домовъ въ Москвѣ и далъ отличное, съ технической практикой, воспитаніе своимъ сыновьямъ. Счастье Шервудамъ измѣнило. Ссора съ властями повела въ возбужденію слѣдствія, потомъ суда. Старикъ Шервудъ потерялъ мѣсто. Его дома были описаны, забракованный суконный товаръ опечатанъ, испортился въ фабричныхъ складахъ и проданъ потомъ за ничто. Шервуды обѣднѣли, впали въ нищету. Старшіе сыновья фабриканта кое-какъ пристроились на чужихъ заводахъ, Младшій — Джонъ сперва работалъ у мелкихъ ремесленниковъ, потомъ пытался поступить въ военную службу, но безъ связей ничего не добился и, чуть не по-

бираясь милостыней, шатался безъ дѣла по Москвѣ.

Однажды, въ то голодное, тяжелое время, онъ зашелъ къ земляку, московскому шорному торговцу. Къ лавкѣ шестерней, въ богатой каретѣ, подъѣхалъ пожилой помѣщикъ. Купивъ два женскихъ сѣдла, онъ, при выходѣ, какъ бы что-то вспомнивъ, потеръ лобъ и спросилъ купца: нѣтъ-ли, между его земляками, образованнаго и способнаго человѣка, который могъ бы давать его дѣтямъ уроки англійскаго языка? Шервудъ не вытерпѣлъ. Видя, что его землякъ молчитъ, онъ самъ предложилъ незнакомцу свои услуги. Помѣщикъ взглянулъ на купца. Этотъ поддержалъ Шервуда, сказавъ, что молодой человѣкъ, кромѣ природнаго англійскаго и французскаго языковъ, хорошо знаетъ также нѣмецкій и нѣсколько музыку. Помѣщикъ сдѣлалъ по англійски нѣсколько вопросовъ молодому человѣку, объявилъ свои условія и далъ визитную карточку. Шервудъ, узнавъ отъ купца, что это былъ извѣстный богачъ Ушаковъ, на другой день простился съ родителями, уложилъ свой убогій чемоданчикъ и,

явился къ Ушакову, уѣхаль съ нимъ въ его смоленское помѣстье.

Шервудъ въ послѣдствіи, и теперь въ Каменкѣ, часто вспоминаль эту дорогу, пріѣздъ въ большой и роскошный, барскій домъ, толпу слугъ и двухъ красивыхъ, взрослыхъ дочерей помѣщика, которыя съ любовью бросились на встрѣчу отцу. Баринъ отрекомендовалъ сиротамъ-дочерямъ и ихъ надзирательницъ, пожилой экономкѣ-француженкѣ, новаго преподавателя. Дворецкій указаль Шервуду помѣщеніе недавно уволеннаго французскаго учителя. Уроки англійскаго языка начались успѣшно. Ретивый наставникъ былъ обворожительно-услужливъ. За англійскимъ, начались упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ, а по временамъ и игра въ четыре руки на фортепьяно. Учитель, попавъ въ теплый уголь, на сытый, даже роскошный столъ, обзавелся изъ перваго жалованья приличнымъ, моднымъ платьемъ. Дѣвицы были очень любезны и внимательны, особенно младшая, живая и рѣзвая, почти ребенокъ.

Надзирательница-экономка, страдавшая то нервами, то флюсомъ, болѣе сидѣла въ сво-

ей комнатѣ. Ученицы во время уроковъ говорили съ преподавателемъ на языкѣ, непонятномъ для нея и прочей прислуги. Отецъ былъ занятъ хозяйствомъ, выѣздами въ гости и охотой.

Прошелъ годъ. Шервудъ влюбился въ младшую ученицу. Послѣдняя страстно увлеклась красивымъ и угодливымъ наставникомъ.

Деревенская скука и глушь, отсутствіе надзора рано умершей матери и довѣрчивость наемной приставницы сдѣлали свое дѣло. Сперва робкія, письменныя признанія, вздохи, полуслова, потомъ прогулки въ поле, встрѣчи въ саду....

«Увлеклись и забылись!» — сказалъ себѣ однажды, въ оправданіе, Шервудъ, когда уже было поздно. Что предпринять? Какъ и чѣмъ спастись? Медлить было нельзя. Ни отецъ, ни старшая сестра и никто въ домѣ пока еще не подозрѣвали ничего. «Ужась! Что, если догадаются?» мыслилъ онъ: «ей-ли быть за мною, за ничтожнымъ, наемнымъ учителемъ, почти слугой? Никогда... Отецъ не вытерпитъ, не снесетъ позора. Изъ своихъ рукъ убьетъ

меня и ее.... Пока есть время, надо найти средство, скрыться куда-нибудь, бѣжать»....

Шервудъ обдумалъ рѣшеніе. Бракъ былъ возможенъ только съ равней. Онъ рѣшилъ поступить въ военную службу, поскорѣе добиться офицерскаго званія и тогда искать руки дѣвушки. Строя радужныя грезы, полныя надеждъ, они простились. Шервудъ сослался на домашнія обстоятельства, сказалъ отцу дѣвушки, что перемѣняетъ родъ занятій, попросилъ у него расчета и уѣхалъ.

Какъ иностранецъ и сынъ разночинца, Шервудъ могъ опредѣлиться въ армію только простымъ рядовымъ. Онъ придумалъ другое средство: поступилъ опять учителемъ къ дѣтямъ извѣстнаго, со связями, генерала Стаала, и снискалъ его расположеніе. Воспользовавшись поѣздкой генерала по дѣламъ въ Одессу, онъ въ Елисаветградѣ обратился къ нему съ просьбой, помочь ему, для поступленія вольноопредѣляющимся въ новомиргородскій уданскій волкъ. Командиръ полка Гревсъ былъ друженъ съ Стаалемъ, и Шервуда вскорѣ приняли, на тогдашнихъ правахъ — двѣнадцати-лѣтней выслуги на

офицерскій чинъ.

Двѣнадцать лѣтъ солдатской, жесткой лямки! — да это цѣлая вѣчность для самолюбиваго и избалованнаго въ дѣтствѣ челоуѣка, который еще недавно вкушалъ спокойную и такъ хорошо обставленную жизнь иностранца-учителя въ богатыхъ, барскихъ домахъ. Шервудъ подумалъ:

— Ну, для меня будетъ исключеніе; очевидно, примутъ во вниманіе мою недюжинную образованность, знаніе приличій и внѣшній лоскъ. Двѣнадцать лѣтъ выслуги писаны для другихъ; меня скоро замѣтятъ, оцѣнятъ и отличатъ.

Но тянулись недѣли, мѣсяцы; прошелъ годъ, другой и третій. Шервуда не замѣчали. Онъ съ трудомъ, въ концѣ долгихъ усилій, добился одного:— изъ фронта, узнавъ его грамотность и хорошій почеркъ, его взяли писаремъ въ канцелярію полковаго комитета. Вѣсти изъ Смоленской губерніи приходили рѣдко, а вскорѣ и вовсе прекратились. Переписка шла черезъ экономку, которую теперь, очевидно, разсчитали. Изъ Москвы отъ родителей шли нерадостныя извѣстія: та же беспомощность,

тъ же горе и нищета. А тутъ еще строгое и требовательное начальство, вѣчное корпѣніе въ душной комнатѣ, съ перомъ, и ни проблеска лучшихъ надеждъ.

Шервудъ не вынесъ служебныхъ невзгодъ. При всей своей смѣтливости, пронырливомъ и вкрадчивомъ нравѣ, онъ потерялъ обычное спокойствіе духа, сталъ пренебрегать занятіями въ канцеляріи и наконецъ безобразно запилъ.

Небритый и нечесанный писарь, съ протертыми локтями и въ дырявыхъ, съ голыми пальцами, сапогахъ, случайно привлекъ къ себѣ вниманіе майора, начальника канцеляріи. Арестъ и всякіе штрафы не помогли. Майоръ, узнавъ о происхожденіи писаря, призвалъ его къ себѣ и сталъ усовѣщивать, стыдить.

— Да, что съ тобой? — спросилъ онъ, послѣ долгихъ распеканій, взглядываясь въ заспанное и опухшее лицо писаря: не знаешь развѣ? да я рапортомъ.... да ты у меня....

Слезы брызнули изъ глазъ Шервуда. Вытянувшись передъ начальникомъ, онъ судорожно мялъ въ рукахъ фуражку и молчалъ.

— Ты, батенька, отличныхъ способностей, — произнесъ майоръ, желая нѣсколько его ободрить: шутка-ли! знаешь ариѳметику, языки.... ну, разные тамъ ремесла.... прежде велъ себя прилично, барышней... а теперь! откуда такая блажь?

Губы писаря дрогнули.

— Ваше высокоблагородіе! — проговорилъ онъ: вы обратили на меня милостивый взоръ....

— Ну, да, да!

— Хотите здать причину.... вотъ она....

И Шервудъ безъ утайки разсказалъ майору все свое прошлое, въ томъ числѣ и роковой смоленскій случай. Майоръ развелъ руками.

— Пять лѣтъ я бился, — заключилъ Шервудъ: извольте узнать, на смотрахъ обходили; что было, издержался, а производства все не видать.... Хотѣлъ я и руки на себя наложить, вотъ какъ передъ Богомъ! и дезертировать за границу, въ Грецію, гдѣ люди бьются за свою свободу.... Горе сломило, не стерпѣлъ....

Шервудъ говорилъ съ чувствомъ, толково

и умно. Майоръ сперва было вспылить: «вотъ вы, головорѣзы! а? куда дернулъ! у меня, братецъ, то-же семья, дѣти....» Онъ не щадила доводовъ, укорялъ.

— Черезъ головы другихъ затѣялъ, вертунъ, перескочить! — горячился майоръ, пытая и расхаживая по комнатѣ: назначено двѣнадцать лѣтъ, ну, и терпи. Гдѣ твои такія заслуги, права? Теперь, батенька, не военное время. И родовые дворяне, вонъ, не тебѣ иностранцу чета, ждуть, переносятъ! Я самъ, братецъ ты мой, не изъ богатыхъ, сколько тянулъ....

Мысль объ оставленной, страдающей дѣвушкѣ смягчила майора.

— Изволь, помогу, — проговорилъ онъ наконецъ, подумавъ: но прежде самъ исправься, приведи себя въ должный видъ. О рюмкѣ болѣе ни-ни....

— Явите божескую милость.

— Попытаюсь, говорю, есть аудиторскія дѣла, кое-что можетъ найду и по механикѣ.... А пока вотъ тебѣ приглашеніе, — заключилъ майоръ: приходи каждый день ко мнѣ обѣдать. Отличишься, то-ли тебя, по способ-

ностямъ, ждеть?

Слова майора подѣйствовали. Шервудъ остепенился, сталъ исполнять казенныя и неурочныя частныя порученія, обзавелся инструментомъ, ободрился и принялъ прежній, приличный видъ. Ему дали унтеръ-офицерскіе погоны, и онъ уже запросто бывалъ у майора.

Лѣтомъ 1825 года, въ Новомиргородѣ, въ полковнику Гревсу заѣхалъ его пріятель, Александръ Львовичъ Давыдовъ. За обѣдомъ разговорились о хозяйствѣ. У полковника, въ это время сидѣлъ и майоръ. Гревсъ подмсѣивался надъ помѣщичьими доходами. Ъли устрицы.

— Полковые командиры, cher ami, хе-хе, не знаютъ неурожаевъ, — сказалъ онъ, попивая шабли: сравни хоть бы меня — вѣдь я живу, какъ-бы владѣлъ восемнадцатью тысячами душъ.

— Хорошо тебѣ! — возразилъ Александръ Львовичъ: у насъ съ братомъ въ Каменкѣ иное.... Третье лѣто засуха, недородъ. Была отличная, доходная мельница и та теперь безъ дѣла.

— Почему?

— Мало у насъ ученыхъ механиковъ; купишь хорошую, заграничную машину, испортилась и валяется, хоть брось. Мельницу намъ наладилъ нѣмецкій мастеръ; пока онъ жилъ, не было отбоя отъ помола, на весь околотокъ работала, а умеръ, некому поправить, стоитъ.

Майоръ вспомнилъ о Шервудѣ. Онъ сказалъ о немъ полковнику.

— Какой это? — спросилъ Гревсъ: бѣлолицый такой, смѣлые, красивые глаза?

— Онъ самый.... отличный, могу сказать, знающій и способный механикъ.... у меня по аудиторской, въ канцеляріи.... Вашу коляску намедни какъ починилъ....

— Ну, да, именно! — съ удовольствіемъ произнесъ полковой командиръ: возьми его, Александръ Львовичъ; что ему тутъ мотаться.... пусть этотъ годдемъ заработаетъ у тебя. Пришлю съ нимъ и устриць.

Шервудъ былъ отпущенъ въ Каменку. Тамъ ему дали помѣщеніе во флигель дворецкаго, мастерскую, и вскорѣ онъ занялся исправленіемъ нельницы. — «Угожу Давыдо-

вымъ, заслужу и у полковника!» разсуждалъ онъ: «майоръ поддержитъ; скоро высочайшій смотръ. Авось вывезетъ судьба.»

--

Въ Каменкѣ смѣтливый и ловкій Шервудъ, ставъ опять на путь частныхъ отношеній и услугъ, ко всему внимательно прислушивался и все замѣчалъ. Возвращаясь съ мельницы на рабочій дворъ, гдѣ стоялъ флигель дворецкаго, онъ толковалъ съ барскими и пріѣзжими слугами: что дѣлаютъ господа и куда ѣздятъ, кто барскіе гости, богаты-ли, знатны-ли и гдѣ живутъ? Угождая господамъ, Шервудъ не забывалъ и прислуги: тому оправлялъ женщины серъги, этому лудилъ чайникъ для сбитня, паялъ колечко или починалъ сундучекъ. Пожилъ онъ такъ недѣли три. Ёль опять сыто, спалъ вдоволь, въ работѣ на мельницѣ ничѣмъ не былъ стѣсненъ. Скучно бывало подъ часъ, и не предвидѣлось впереди ничего особеннаго, чѣмъ онъ могъ-бы сразу и неожиданно выбиться изъ тѣсной, обыденной колеи. Лучшее общество было недоступно. Въ барскій домъ хотя изрѣдка его пускали, но какъ рабочаго, и съ

чернаго крыльца. Сажали его и въ столовой, но особо, въ углу, за перегородкой.

Быль на исходѣ июнь. Шервуду дали починить сѣдло старшей барышни. Онъ выпилилъ новый ленчикъ, поправиль и щегольски, заново отдѣлалъ все сѣдло. Черноглазая, семнадцатилѣтняя красавица Адель, на глазахъ снявшаго фуражку механика, съла, въ соломенной шляпкѣ, съ алыми лентами, на сѣраго, съ куцымъ хвостомъ, скакуна и, въ сопровожденіи стараго берейтора, поскакала за Каменку, въ лѣсъ, на зеленѣющіе холмы. Шервудъ только вздохнулъ, вспоминая улетѣвшіе, бывые годы, иную деревню, дѣса и холмы, и иную, теперь также недосыгаемую красавицу. Онъ ушелъ на мельницу блѣдный, едва помнившій себя, и тамъ чуть не плакалъ: грызъ съ бѣшенства ногти и мысленно проклиналъ всѣхъ и все.

Шервуда давно уже поразило одно обстоятельство. Онъ сталъ замѣчать, что въ Каменку, гдѣ, за отсутствіемъ старшаго брата, хозяйничалъ Василій Львовичъ Давыдовъ, въ опредѣленные дни, и именно по вечерамъ, каждую субботу, съѣзжались одни и тѣ же го-

сти, почти исключительно военные. Онъ сталъ узнавать отъ прислуги ихъ имена. Тутъ были: генеральнаго штаба поручикъ Лихаревъ, штабъ-докторъ второй арміи Яфимовичъ, подпоручикъ полтавскаго пѣхотнаго полка Бестужевъ-Рюминъ, подполковникъ, командиръ конно-артиллерійской роты Ентальцевъ, нынѣ батальонный командиръ черниговскаго полка — подполковникъ Муравьевъ-Апостоль, отставной штабсъ-капитанъ гвардіи Поджіо и другіе. Шли толки, что ждуть и другихъ гостей, въ томъ числѣ командира вятскаго пѣхотнаго полка, полковника Пестеля.

— «Что бы это значило?» — началъ разсуждать Шервудъ, прислушиваясь въ толкамъ семьи дворецкаго о посѣтителяхъ Каменки: «въ карты они не играютъ, не кутятъ, не пьютъ... съ дамами видятся только за чаемъ, да ужиномъ, сидятъ въ пристройкѣ Василя Львовича, либо на верху, и на другой день разъѣзжаются.... Военные! ужъ не затѣвается ли куда походъ? Что-то, по слухамъ, неладно въ Польшѣ и какъ-бы опять на австрійской границѣ.... Что, если и впрямь, война, походъ?»

Очевидно, держать въ тайнѣ, готовятся... Узнать-бы и заранѣе попроситься въ дѣйствующій отрядъ.»

Однажды, въ субботу, Шервудъ послѣ ужина ходилъ по двору. Его мучили сомнѣнія, неизвѣстность. Тайнственные бесѣды пріѣзжихъ дразнили его любопытство. Онъ прошелъ въ садъ, миновалъ нѣсколько дорожекъ, возвратился къ калиткѣ и поднялъ голову. Часть верхняго этажа была освѣщена. Одно изъ оконъ было не совсѣмъ прикрыто занавѣской. Ночь была звѣздная, но безъ мѣсяца. Часть неба застилалась облаками.

Шервудъ оглянулся, примѣтилъ вблизи лѣстницу, служившую для закрытія ставень, прислонилъ ее въ стѣнѣ и полѣзъ къ верхнему окну. Онъ уже былъ не вдали отъ подоконника, видѣлъ тѣни, колыхавшіяся по рамѣ, и готовился, изъ-подъ занавѣски, разглядѣть, что происходитъ въ комнатѣ. На дворѣ, за калиткой, слышались шаги. Шервудъ быстро спустился на землю.

— «Нѣтъ», сказалъ онъ себѣ: «хоть отъ деревьевъ здѣсь и темно, на бѣлой стѣнѣ легко могутъ разглядѣть....» Онъ опять прошелъ въ

садъ. Походивъ по ближней полянѣ, онъ долго приглядывался къ свѣту въ верхнихъ окнахъ. Руки и ноги его дрожали, любопытство было до крайности возбуждено. Обычная вечерняя возня во дворѣ понемногу затихла. Перестали скрипѣть и хлопать двери въ домѣ, на кухнѣ и въ людскихъ. Прислуга, мало по малу, разбрелась по своимъ угламъ. У амбара пересталъ постукивать въ доску сторожъ. На деревнѣ все также смолкло. Наступила полная тишина.

Шервудъ вышелъ изъ сада, поднялся на переднее крыльцо и, подождавъ съ минуту, бережно отперъ дверь въ сѣни. Осмотрѣвшись въ полу-тьмѣ, онъ нащупалъ крутую, каменную лѣстницу, подумалъ: «это на верхъ.... если наткнусь на кого-нибудь, скажу, что по дѣлу къ хозяину!» и, чуть касаясь ступеней, сталъ медленно подниматься. Нѣсколько разъ онъ останавливался, прислушиваясь. Его тревожилъ скрипъ собственныхъ сапогъ. Въ верхней передней не было никого. — «Прислуга, очевидно, съ расчетомъ услана внизъ!» — мелькнуло въ умѣ Шервуда. Изъ смежной комнаты въ дверную щель пе-

редней пробивалась полоска свѣта; изъ-за двери ясно слышались оживленные голоса.

«Такъ и есть», — подумаль Шервудъ, «обсужденіе похода.... готовится война.... Но какъ бы не попасться, получше разслышать?» — Онъ осмотрѣлся, снялъ сапоги, чтобы не скрипѣли, взялъ ихъ подъ мышку, пошелъ на цыпочкахъ къ заманчивой двери и, замирая, приложилъ къ замочной скважинѣ сперва глазъ, потомъ ухо. Онъ наблюдалъ нѣсколько мгновеній, отрывался отъ двери и опять жадно въ ней припадалъ. Кровь бросилась ему въ голову. Сердце билось такъ сильно, что онъ схватился за грудь и едва устоялъ на ногахъ.

Вокругъ большаго, заваленнаго бумагами
стола, какъ разглядѣль Шервудъ,
помѣщались всѣ обычные посѣтители Камен-
ки. Ближе другихъ, у лѣвой стѣны, сидѣль хо-
зяинъ, Василій Львовичъ Давыдовъ. Вправо
и бокомъ, также у двери, располагался
пріѣхавшій въ тотъ день, коренастый и
строгій лицомъ, полковникъ Пестель. За ни-
мъ, съ перомъ въ рукъ, надъ бумагой, сидѣль,
въ свитскомъ мундирѣ, длинно-волосый и ху-
дощавый, съ выразительными глазами, под-
поручикъ Лихаревъ. Пестель, съ рѣшительно
протянутою рукой, что-то кончилъ объяс-
нять. Лихаревъ, взглядывая на говорившаго,
наклонялся, быстро записывая. Шервудъ зата-
илъ дыханіе и сталъ слушать. Первые слова
Пестеля бросили его въ холодъ и жаръ. «Онъ
предсѣдатель, отбираетъ голоса.... что за ди-
во?» — подумалъ Шервудъ. Пестель кончилъ.
Началось общее разсужденіе. Французскій, съ
примѣсю русскихъ выраженій, говоръ то
затихалъ, то обновлялся съ новою силой.
Шервуду становилось понятно и ясно нѣчто

совершенно неожиданное, изумительное, повергшее его въ нервную дронь. До него долетали слова: «да вѣдь такъ рѣшено» — «въ Польшу отвѣтить отъ имени союза» — «наше общее дѣло» — «Васильковская и Тульчинская управы» — «Мордвиновъ что? аристократъ!» — «Петербургу дать новый совѣтъ! къ черту Аракчеева!» — «на голоса!» — Говорили рѣчи Поджіо, Бестужевъ-Рюминъ и Муравьевъ. Лихаревъ записывалъ рѣшенія.

— Цензъ избирателей, произнесъ Юшневскій: до пяти сотъ фунтовъ серебра, избираемыхъ до трехъ тысячъ фунтовъ.... это дико! гдѣ у насъ серебро?

— Крестьянъ освободить съ землей, — кричалъ Яфимовичъ.

— Не всѣ согласятся! безъ земли, съ одними дворами! возражали Поджіо и Ентальцевъ: еще назовутъ грабежомъ.

— Къ черту тупое меньшинство! вѣче! вспомните Новгородъ, Псковъ! — кричалъ, покрывая голоса прочихъ, Мишель.

Сомнѣнія не было. Передъ Шервудомъ происходило засѣданіе тайнаго, политическаго общества.

Онъ перевелъ дыханіе, хотѣлъ еще слушать. Но Василій Львовичъ всталъ и, со словами:— «и такъ, воля крестьянъ, въ общемъ, рѣшена!» взялся за шнурокъ звонка. Остальные также, отодвигая кресла, встали. Шервудъ отпрянулъ отъ двери и опрометью, чуть помня себя, сбѣжалъ по лѣстницѣ. Въ сѣняхъ онъ въ ужасѣ прижался въ углу. Мимо него, зѣвая и охая, прошелъ снизу разбуженный звонкомъ Емельянь.

Пропустивъ слугу, Шервудъ дрожащими руками надѣлъ сапоги, еще прислушался, выскользнулъ на крыльцо и стремглавъ бросился въ свой флигель. Не зажигая свѣчи, онъ быстро раздѣлся, легъ въ постель и старался заснуть. Сонъ отъ него бѣжалъ. — «Тайное общество! заговоръ противъ правительства!» — думалъ онъ, задыхаясь. Дрожа и не попадая зубомъ на зубъ, онъ разбиралъ свое невѣроятное открытіе. — «Такъ вотъ что», — мыслилъ онъ: «не походъ, не война... вотъ цѣль этихъ собраній... и это же? высшее офицерство, батальонные, полковые командиры. Недовольны, возмущены; строятъ тайные ковы. А я, затерянный въ этой глуши, безъ ихъ

богатства и правъ, всѣми обходимый чужеземецъ.... И мнѣ терпѣть еще семь долгихъ, унижительныхъ лѣтъ?...»

Тяжелыя, несбыточные мысли вертѣлись въ головѣ Шервуда. Онъ неподвижно глядѣлъ съ кровати въ окно. Мухи жужжали и бились въ тѣсной, душной комнатѣ. А за окномъ стояла тихая, звѣздная ночь. — «Бѣжать отъ этого ужаса!» — вдругъ подумалъ Шервудъ: «убить соблазнительный, дерзкій призракъ... А тамъ, вдали? тамъ вѣдь еще надѣются, ждуть.... Можно отличиться, возвратить потерянное счастье. Нѣтъ выслуги выше; почести, богатство.... но вѣдь это предательство!»

Шервудъ вскочилъ, сталъ ощупью одѣваться. — «Тьфу, чертъ! да какъ же дрожать руки!» — мыслилъ онъ съ отвращеніемъ: «точно укралъ что-нибудь».... — «Кончено, рѣшено!» — сказалъ онъ себѣ, выйдя на воздухъ и безсознательно вновь направляясь въ садъ: «о! подлая ловушка, выдача головой, за гостепріимство, пріютившаго меня человекъ.... И ужели я буду этимъ предателемъ, злодѣемъ, убійцей изъ-за угла?»

Долго Шервудъ бродилъ по темнымъ уступамъ и дорожкамъ сада, подходилъ къ рѣкѣ, ложился въ кусты, на полянахъ. Верхи деревъ освѣтлѣли. Стали видны холмы и ближній лѣсъ за Тясминомъ. Чирикнула и съ куста на кустъ перелетѣла, разбуженная какимъ то шорохомъ, птичка. Спящій, съ пристройками и крыльцами, бѣлый домъ отчетливѣе вырѣзался, среди пирамидальныхъ тополей и развѣсистыхъ, старыхъ липъ.

«Сытые бѣсятся, что имъ! изъ моды, отъ жиру!» — злобно стиснувъ зубы, подумалъ Шервудъ. Онъ даже плюнулъ запекшимися губами. — «Чужое вѣдь, не мое»... — прибавилъ онъ, съ блѣдной усмѣшкой, вставая и возвращаясь домой: «отличія... награды засыпать.... это вѣрно! ни колебанія, ни шагу назадъ!»

— Что, ваши ѣдутъ сегодня? — спросилъ онъ чьего-то кучера, ведшаго утромъ къ рѣкѣ лошадей.

— Ѣдемъ, будемъ въ ту субботу.

* * *

Въ слѣдующую субботу, Шервудъ рѣшилъ лучше и толкомъ все сдѣлать, смазать са-

поги, выждать, когда все утомонится, вновь пробраться къ заманчивой двери, все терпѣливо выслушать, запомнить и записать въ особую тетрадь. — «Смѣльчаки! — на Аракчеева строятъ подкопы!» — разсуждалъ онъ, «въ лагерь подѣ Лециномъ собираются все рѣшить... волю крестьянамъ хотятъ объявить!»

Въ ожиданіи этого дня, чтобъ не дать подозрѣній, Шервудъ притворился разсѣяннымъ, безпечнымъ; никого, какъ прежде, болѣе не спрашивалъ и въ свободные часы ходилъ, съ ружьемъ дворецкаго, по окрестностямъ и приносилъ хозяйкамъ дичь. А чтобы продлить свое пребываніе въ Каменкѣ, онъ даже нарочно нѣсколько испортилъ уже конченный мельничный ходъ.

Вторая суббота пришла. Шервудъ узналъ еще болѣе. Въ свою тетрадь онъ занесъ имена и адреса многихъ членовъ союза, ихъ тайныя намѣренія и цѣли, даже вскользь къмъ либо сказанныя, необдуманно-смѣлыя слова, въ родѣ ребяческой, безумной похвалы Мишеля, съ пѣной у рта: «убивать! рѣзать всѣхъ.... нечего щадить враговъ!»

Собрание на этотъ разъ окончательно об-суждало вопросъ о нѣкоторыхъ мѣрахъ, въ томъ числѣ чье-то предложеніе — не отклады-вать свободы крестьянъ. Шервудъ жадно слушалъ.

— Отдѣльныя, единичныя попытки кажды-го изъ насъ не приведутъ ни къ чему, сказалъ чей-то голосъ за дверью: вонъ, Якушкинъ давно написалъ общую и безусловную воль-ную своимъ. Онъ даже возилъ ее въ Петер-бургъ, министру. И что-же вышло? Послѣ вся-кихъ отсрочекъ и мытарствъ, ему удалось до-биться свиданія съ Кочубеемъ. Удивленный министръ его выслушалъ и отвѣтилъ: раз-смотримъ, обсудимъ. И обсуждаютъ до сихъ поръ, скоро пять лѣтъ....

— Моего предположенія, — произнесъ Пестель: о подаренныхъ мнѣ деревняхъ я ужъ никуда и не посылалъ.

— Да и не для чего! — отозвался Бестужевъ-Рюминъ: еще сочтутъ нарушителемъ общаго спокойствія.... вѣдь у насъ какъ!

— И будутъ правы! — сказалъ Поджіо: строго говоря, какъ члены тайнаго общества, даже для такихъ возвышенныхъ цѣлей, мы

все-же заговорщики, преступники. Надо говорить правду.... Какъ ни перебирай, а всѣ наши работы, подтвержденныя даже собственнымъ, доблестнымъ починомъ, — однѣ слабыя попытки непрошеннаго меньшинства.... отвлеченные, философскіе тезисы.... отмѣна цензуры, шутка-ли? сокращеніе воинской службы.

— Что же предпринять? — спросилъ Яфимовичъ: діагнозъ сдѣланъ, гдѣ лекарства? и какъ узнать мнѣніе большинства, если наши стремленія и здѣсь называютъ идеальными, идущими не изъ опыта, а изъ головы?

— Я такъ не говорилъ, — возразилъ Поджіо.

— Нѣтъ, вы это сказали....

— Совѣтують, — произнесъ Пестель: подать общее прошеніе отъ дворянъ.

— Съ сотнями, тысячами подписей! — вскрикнулъ Мишель: можно все въ тайнѣ, не узнаетъ никто!

— Но не всѣ подпишутся, — возразилъ Поджіо: многіе противъ дароваго освобожденія; изъ нашихъ даже — Волконскій, Нарышкинъ, Трубецкой, да и

другіе, — Александръ Бярятинскій, — стоять за выкупъ крестьянъ отъ казны.

— И вѣрно, если хотите, — произнесъ Яфимовичъ: даже Мордвиновъ, помните, совѣтоваль платить, смотря по возрасту, отъ пятидесяти до двухъ-сотъ рублей за душу.

— Алтынники! — вскрикнулъ Мишель.

— Но съ ними могутъ согласиться, и рядомъ съ нашимъ прошеніемъ, пошлются другія, въ обратномъ смыслѣ. Да и какъ собирать подписи?

— Выбрать смѣлую когорту! — проговорилъ Мишель: я и другіе возьмемъ, въ мѣсяць, въ полгода объѣздимъ полъ-Россіи и привеземъ сто тысячъ подписей.

— Увлечемъ, заставимъ и Аракчеева, — сказалъ Ентальцевъ: вѣдь онъ самъ предлагаль особую комиссію и пять милліоновъ въ годъ дворянству на выкупъ крѣпостныхъ.

— Но онъ стояль за двѣ десятины надѣла всякой душѣ, и его мысль отвергли. Онъ противъ общиннаго управленія деревень....

— Къ черту его! обойдемъ и безъ него! — произнесъ кто-то.

— Нѣтъ, нельзя пренебрегать услугами и

врага, — возразилъ Давыдовъ.

— Долой враговъ! — крикнулъ Поджіо: имъ будетъ особый расчетъ.

— Кинжалъ! — произнесъ Мишель.

— Позвольте, — опять вмѣшался Яфимовичъ: не подготовимъ исподволь общаго мнѣнія, Кочубей введетъ ни то, ни сѣ... полумѣры восемьсотъ пятого года....

— На голоса!

— Что же рѣшать? — спросилъ Пестель:

— Все рѣшать.... нечего откладывать.

— Отложить, — сказалъ Ентальцевъ: надо списаться, узнать.

— А публикаціи въ газетахъ о продажѣ людей? — проговорилъ Давыдовъ: вѣдь это Африка, торгъ неграми!

— Отложить, не соберемъ подписей!

— Нечего откладывать, на голоса!

Обсуждались и другія мѣры, диктовались разныя бумаги.

«Какія открытія!» — разсуждалъ Шервудъ, пробираясь, въ эту вторую ночь, обратно во флигель: — «стремятся въ образованію простаго народа, къ уменьшенію сроковъ военной службы, къ устройству общиннаго

управленія, отмѣнь цензуры и къ освобожденію крестьянъ».... — «Прямо письмо къ государю!» — сказалъ онъ себѣ: «меня, разумѣется, вызовутъ, и я все объясню... — Но спросятъ, — гдѣ доказательства? и что, если эти люди отопрутся, спутають, собьютъ? Все вѣдь такіе умники, тузы.... Завтра воскресенье — всѣ разъѣдутся. Не ѣхать-ли и мнѣ? Осталось только исправить шестерню и испытать ходъ колеса....»

Шервудъ то рѣшался исполнить задуманное, то падалъ духомъ и отступалъ. Рано утромъ онъ пошелъ на мельницу.

Погода стояла знойная. Пользуясь утренней прохладой, къ рѣкѣ на мельницу пришли купаться каменскіе гости. Степенный говоръ прерывался изрѣдка шутками. Слуга разостлалъ коверъ, положилъ мыло и простыни, поставилъ тазы съ водой и ушелъ. Шервудъ, припиливая стержень шестерни, сидѣлъ въ мельницѣ у окна. Ему было видно, какъ пришли гости, какъ они разсѣлись на коврѣ и по травѣ и стали раздѣваться. Кто-то пріятнымъ голосомъ запѣлъ французскую пѣсню. — «Марсельеза!» — съ дрожью подумалъ

Шервудъ, услыша знакомый по Москвѣ напѣвъ. Онъ слѣдилъ за купающимися: все молодья, стройныя и красивыя тѣла. Женственно-бѣлый, высокій, кудрявый и такъ горячившійся на засѣданіяхъ, Мишель съ размаха бросился въ рѣку, За нимъ медленно, щупая голыми ногами берегъ, сошелъ къ водѣ плечистый, смуглый тѣломъ и съ полосой загара вокругъ шеи, Пестель. Сергѣй Муравьевъ-Апостоль, намыленный и весь въ бѣлой пѣнѣ, какъ въ пуху, сидѣлъ на обрывѣ берега; щуря противъ солнца усталые, добрые глаза. Его красивое, круглое лицо, съ прямымъ носомъ, улыбалось.

— *Tiens, cher ami,* — сказалъ Муравьевъ Пестелю: какъ загорѣла твоя шея...

— Точно ожерелье! — проговорилъ, плеская себѣ водой на грудь и бока, Поджіо.

— Типунъ вамъ на языкъ, — добродушно усмѣхнулся всегда чопорно-сдержанный Пестель.

«Петля!» — пронеслось въ головѣ Шервуда. Онъ видѣлъ какъ, довольный теплой погодой и купаньемъ, Пестель съ удовольствіемъ потеръ себѣ полную, вспотѣвшую шею и ступи-

ль въ воду.

— Странно, — прибавилъ Пестель, собираясь погрузиться въ рѣку съ головой: я всегда думалъ одно, — какъ бы не утонуть.... не плаваю...

— Наше не тонетъ и не горитъ, — произнесъ Поджіо, оттолкнувшись отъ берега и плывя на спинѣ: мужество и стойкость, не правда — ли, нашъ девизъ?...

— А слышали о новомъ женскомъ подвигѣ! — отозвался Лихаревъ, стоя на мельничной шлюзѣ и оттуда собираясь внизъ головой броситься въ рѣку.

— Нѣтъ, не слышали.

— Дѣвица Куракина, увлекшись въ Москвѣ католицизмомъ, въ доказательство преданности къ новой вѣрѣ, сожгла себѣ палецъ въ каминѣ....

— Мишель, это по твоей части! любовь.... женихъ! — крикнулъ, ныряя, веселый Поджіо. Всѣ засмѣялись.

— Какъ это у Шеридана о женщинахъ? — спросилъ Муравьева Давыдовъ: твой отецъ перевелъ его «Облака»....

— И.... «Школу злословія», — тонко приба-

вилъ, въ защиту друга, Муравьевъ.

— «Шутите, шутите!» думалъ у окна мельницы Шервудъ.

Въ рѣкѣ, въ это время, подошелъ только-что подѣхавшій изъ другаго имѣнія, старшій Давыдовъ.

— Вотъ они, республиканцы! здравствуйте! — сказалъ онъ, дружески кланяясь и присаживаясь на берегу.

Часть купающихся уже одѣвалась.

— Что новаго? — спросилъ Поджіо.

— Это у васъ спрашивать, вы перестроители судебъ.

— Какое! мы военные!

— Хороши воины.... ну, да не вмѣшиваюсь, — пробурчалъ Александръ Львовичъ: а не умолчу, побьютъ васъ за проекты ваши же Фильки да Ваньки.

— Что же, однако, новаго? — спросилъ брата младшій Давыдовъ: ты писалъ, что думаешь быть въ Кіевѣ?

— Ну, былъ.... скука, жара и отвратительно кормятъ.

— Не по кулинарной части.... былъ же у кого-нибудь?

— А вотъ что, — вспомнилъ Александръ Львовичъ: это касается васъ.... ожидаемые смотры на югъ отмѣнены.

— Почему? какая причина? — заговорили слушатели.

— Государыня нездорова, ей предписано ѣхать въ Таганрогъ. Государь располагаетъ ее провожать.

— А правда-ли, — спросилъ Мишель: что столицу, изъ-за прошлогодняго наводненія въ Петербургъ, думаютъ обратно перенести въ Москву?

— Давно бы пора, — замѣтилъ Лихаревъ.

— И это говорите вы? — обратился къ нему Александръ Львовичъ: да Москва глушь, спячка, орда! ни дышать, ни ѣсть, ни жить.... Охъ, вы, простите, Сень-Жюсты, да Демуллены, — крехтя, прибавилъ онъ, вставая и идя за первыми одѣвшимися: вы дѣти, не практики.... Ну, хоть бы эти толки объ *émancipation*.... все это, говорю откровенно, вздоръ! Вы подзадориваете изъ моды другъ друга и преждевременными задираніями только мѣшаете жить остальнымъ. Служи я, да поставь меня начальство, съ полкомъ, про-

тивъ васъ, я бы вамъ показалъ....

Часть купающихся ушла. Шервудъ опять услышалъ голоса. У шлюза замедлились Пестель и Муравьевъ.

— Да! я все думаю, — сказалъ Пестель: такая разноголосица.... ужъ не открытъ-ли всего государю?.... Право, онъ одинъ въ силъ.... Ему бы все наше передать....

«Такъ вотъ что!» — сказалъ съ дрожью себѣ Шервуды — «нѣтъ, опоздали... я васъ предупрежу!»

Купанье кончилось. Рѣка опустѣла. — «Завтра сдамъ работу и уѣду!» рѣшилъ Шервудъ.

* * *

Онъ обѣдалъ въ тотъ день въ своемъ флигелѣ, медленно доѣдая ломоть бараньей грудинки, принесенной изъ кухни дворецкаго, когда къ нему вошелъ офицеръ. То былъ Мишель.

— Извините, — сказалъ вошедшій: вы опытный механикъ, не можете-ли починить это?

Онъ подаль Шервуду золотой, тѣльный крестикъ.

— У насъ, видите-ли, въ штабѣ нѣтъ масте-

ровъ.... жалкое мѣстечко.... а это для меня дорого.... отпаялось ушко....

Шервудъ отеръ влажныя, жирныя губы и поднялъ глаза на офицера.

— Крестъ, — проговорилъ онъ, въ раздумьи поворачивая поданную вещь.

— Да, память, благословеніе.... моей татап, — несмѣло пояснилъ офицеръ.

— Помилуйте, ваше благородіе, — злобно нахмурился Шервудъ: развѣ я золотыхъ дѣлъ мастеръ? у меня ни припая, ни инструментовъ для того....

— Но вы Самойлычу исправили кольцо, мамзель Адель серъги.

— У васъ.... матушка? — спросилъ Шервудъ.

— Да.... и я ее такъ люблю, — съ счастливой улыбкой и искренно произнесъ Мишель.

Шервудъ задумался. Въ его мысляхъ мелькнуло его открытіе и все, что онъ такъ ловко подслушалъ и записалъ, въ томъ числѣ и объ этомъ юношѣ, смѣло поджимавшемъ палецъ за пальцемъ, при счетѣ намѣчаемыхъ жертвъ. Ему вспомнилось и утреннее купанье у мельницы, статныя, спокойныя и краси-

выя тѣла, марсельеза и шутка о загорѣлой шеѣ. Онъ безсознательно продолжалъ разсматривать крестикъ. — Что ожидало стоявшаго передъ нимъ юношу и всѣхъ этихъ, по видимому, беспечныхъ и смѣлыхъ, сильныхъ духомъ и вѣрившихъ въ свою звѣзду? — «У него мать» — подумалъ Шервудъ: «а у меня невѣста.... да и онъ, кажется, женихъ.... отъ одного шага, слова....»

Злобный огонь сверкнулъ въ глазахъ Шервуда.

— Извините, ваше благородіе, — сказалъ онъ не-хотя, какъ-бы еще пережевывая недоѣденный, вкусный кусокъ: я не ювелиръ, но для васъ, какъ могу, смастерю.... принесу вечеромъ....

— О, я вамъ буду очень благодаренъ! — сказалъ Мишель: вы истинный джентльменъ.... по-русски, это гражданинъ.... Вашу руку, гражданинъ Шервудъ.

И онъ горячо пожалъ мозолистую руку Шервуда, счастливый всѣмъ, и утреннимъ вупаньемъ, и тѣмъ, какъ онъ смѣло «по робеесперовски» говорилъ въ ту ночь на засѣданіи, до того смѣло, что Поджіо ему сказалъ: вы —

Марать! — и тѣмъ наконецъ, что онъ скоро будетъ въ Райскомъ, гдѣ жила его невѣста, Зина, и гдѣ въ концѣ августа, въ день рожденія ея матери, былъ назначенъ балъ, съ охотой на волковъ и дикихъ козъ.

* * *

Гости изъ Каменки вечеромъ разѣхались. Утромъ слѣдующаго дня уѣхалъ и Шервудъ, щедро награжденный за исправленіе мельницы.

Полковникъ Гревсъ, получа благодарность Давыдова за Шервуда, далъ послѣднему порученіе къ своему брату, въ Вознесенскъ, откуда ловкій на всѣ руки техникъ былъ приглашенъ, для осмотра овечьихъ заводовъ и стадъ, къ сосѣднему помѣщику Булгари. Шервудъ взглянулъ въ свой списокъ: Булгари былъ туда занесенъ въ числѣ членовъ союза.

Изъ Вознесенска Шервуду, въ концѣ іюля, было предложено съѣздить по дѣлу въ Харьковскую губернію, въ ахтырское помѣстье родныхъ жены Гревса. Въ Ахтыркѣ онъ, по порученію Булгари, отыскалъ офицера Вадковскаго. Взглянувъ въ свой списокъ, онъ убѣдился, что и Вадковскій также былъ чле-

номъ тайнаго общества. Онъ его нашель у кого-то на крестинахъ.

Булгари, въ свиданіяхъ съ Шервудомъ, не проговорился ни въ чемъ. Намёки на Каменку, на общее дѣло и на общихъ будто бы товарищей даже заставили осторожнаго Булгари, въ письмѣ къ Вадковскому, черезъ Шервуда, прибавить оговорку: «Берегись этого человѣка, — подозрителенъ; выдаетъ себя за нашего члена, но, кѣмъ и гдѣ принять, не знаю.» Шервудъ въ дорогѣ вскрыль это письмо, прочель его и опять ловко подпечаталь.

Подвижной и нервный, какъ женщина, Федоръ Федоровичъ Вадковскій воспитывался въ пансіонѣ при московскомъ университетѣ, служиль въ кавалергардахъ и теперь былъ сосланъ, за какую-то вольную пѣсню, въ нѣжинскій полкъ, стоявшій въ Ахтыркѣ. Прочтя письмо, привезенное Шервудомъ, онъ сдѣлаль доставителю нѣсколько быстрыхъ, веселыхъ вопросовъ, предложилъ за-просто позавтракать къ себѣ и, разговорившись за угощеніемъ, улыбнулся.

«Экіе трусы! подумаль онъ:- тѣни своей боятся.... А это такой милый, дѣльный

человѣкъ....»

— Оставимъ другъ друга обманывать, — сказалъ онъ вдругъ, протянувъ гостю отъ всего сердца руку: вижу, мы союзники. Будемъ братьями общаго дѣла.

Вадковскій и Шервудъ чокнулись рюмками.

— Что новаго въ Каменкѣ? — спросилъ Вадковскій: что предпринимаютъ дорогіе товарищи и вашъ новый, смѣлый Вашингтонъ?

— Вашингтонъ? — проговорилъ гость: ошибаетесь. Пестель мѣтитъ въ Кромвели, въ Наполеоны.

— Ой-ли?

Гость засыпалъ анекдотами. Чего онъ только по этой части не зналъ, а еще болѣе не придумалъ. Чувствительный, смѣшливый и простодушный Вадковскій, встрѣтивъ, въ богомольной и скучной, ахтырской глуши, собрата по общему дѣлу, былъ внѣ себя отъ радости. Выпили шампанскаго. Говорили долго, нѣсколько часовъ, и еще выпили. Съ анекдотовъ перешли къ важной сторонѣ дѣла. Перебирали послѣднія тревожныя вѣсти, общее недовольство, слухи о предстоящихъ

перемѣнахъ въ худшему.

— И все Аракчеевъ! все онъ! — твердилъ, охмѣлѣвъ, въ искреннемъ негодованіи, быст­роглазый, миловидный и съ чернымъ, распо­маженнымъ и завитымъ въ колечко хохолко­мъ, Вадковскій.

— И нѣтъ кары на этого злаго, жаднаго и ядовитаго паука! поддакнулъ, съ англійскимъ ругательствомъ, Шервудъ.

— Найдется! и скоро! — многозначительно качнувъ головой, проговорилъ Вадковскій: здѣсь въ Ахтыркѣ, скажу вамъ, намъ не со­чувствуютъ, все спитъ и даже враждебно смотрятъ на насъ.... но мы имъ предпишемъ, ихъ вразумимъ!

Еще перекинулись словами.

— Я вижу, дорогой товарищъ, — сказалъ, пошатываясь, Вадковскій: вы не знаете всѣхъ нашихъ членовъ.... я васъ удивлю.... таковъ мой нравъ.... Я васъ принимаю въ бояре, — и, въ знакъ моего къ вамъ довѣрія, извольте.... готовъ вамъ сообщить даже списокъ всего на­шего союза....

— Очень благодаренъ.... позвольте спи­сать? я возвращу его черезъ часъ.

— Сдѣлайте одолженіе, — отвѣтилъ Вадковскій, окончательно забывъ предостереженіе Булгари: долго-ли пробудете въ Ахтыркѣ?

— Надо кончить порученное дѣло; ѣду сегодня.

Списокъ былъ въ тотъ же день возвращенъ Вадковскому.

* * *

На обратномъ пути въ полкъ, Шервудъ остановился ночевать въ Богодуховѣ, заперся на постояломъ дворѣ и сталъ что-то писать. Онъ писалъ всю ночь, разрывая въ клочки бумагу, ходя по комнатѣ и опять садясь въ столу. На другой день отсюда отходила почта въ Харьковъ и далѣе на сѣверъ. Шервудъ утромъ написанное запечаталъ въ большой, форменный пакетъ, сунулъ его на грудь, подъ мундиръ, застегнулся, сжегъ черновые наброски и пошелъ на почту.

Это было въ половинѣ августа.

День стоялъ сухой, съ знойнымъ вѣтромъ. Пыль носилась клубами по улицамъ бѣднаго, соломой крытаго городка, разбросаннаго по песчанымъ болотамъ и буграмъ. Истомлен-

ный тряской на перекладной и безсонной ночью, проголодавшійся и мучимый сомнѣніями, Шервудъ сумрачно шагаль вдоль пустынныхъ заборовъ. Усталыя ноги, въ побурѣвшихъ, жавшихъ сапогахъ, вязли въ песокъ. Улицы были пусты. Свиньи хрюкали изъ грязныхъ лужъ, пересѣкавшихъ дворы и улицы. Полунагіе и грязные ребятишки валялись подъ воротами, швыряя въ прохожаго комками навоза. Шервудъ остановился, прикрикнулъ, даже погнался было за оборваннымъ, шершавымъ мальчуганомъ. У кабака онъ встрѣтилъ пьянаго, сѣдаго мѣщанина, шедшаго подъ руку съ пьяною бабой и оравшаго пѣсною на всю улицу. — «И этимъ гражданамъ они затѣяли свободу, права!» трясаясь отъ злости, подумаль Шервудъ, отирая потное лицо. Онъ добрель до почтовой конторы, у которой уже стояла телѣга, запряженная тройкой исхудалыхъ клячь. Толстый и заспанный почтмейстеръ принялъ поданный ему пакетъ. Прочтя на немъ надпись, онъ удивленно поднялъ глаза на Шервуда.

— Это ваше? — спросилъ онъ, вертя въ рукахъ пакетъ.

— Такъ точно.... прошеніе о пособіи, заболѣль дорогою....

Почтмейстеръ вынулъ табакерку, опять взглянулъ на подателя, понюхаль табаку, со вздохомъ приложилъ къ пакету печать и бросилъ его въ почтовую сумку.

Шервудъ вышелъ и сталъ на сосѣднемъ перекресткѣ. Изъ-за забора онъ видѣль, какъ вынесли сумку, какъ подтянутый ремнемъ почтальонъ сѣль, и тройка помчалась, поднимая клубы пыли. За спинку телѣги ухватился и повисъ, въ изорванной рубашенкѣ, мальчикъ; на толчкѣ его сбросило лицомъ въ грязь. «Не удержишь! по дѣломъ!» — усмѣхнулся искривлённою улыбкою Шервудъ: «тѣ также думали остановить то грозное и имъ ненавистное чудовище».

На пакетъ была надпись: «Новгородской губерніи, въ село Грузино, графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву, въ собственныя руки».

* * *

Вадковскій, по отъздѣ Шервуда, опомнился, что погорячился и былъ черезъ-чуръ откровененъ съ гостемъ. Онъ старался оправдаться въ собственныхъ мысляхъ: одиноче-

ство, скука, завтраки съ возліянїями.... — «Экіе мы ребята, право!.. понравился, и я принялъ его въ общество» — разсуждалъ онъ: «меня увлекъ его характеръ, вообще англійскій, — непоколебимый и полный чести (*imbu d'honneur* — досказалъ онъ себѣ по французски). Онъ съ виду холоденъ, но исполненъ горячей преданности и способенъ оказать важныя услуги нашему семейству. Если я преступилъ свои права, пусть ихъ отнимутъ у меня, такъ имъ и напишу, но пусть ихъ отдадутъ, для пользы дѣла, Шервуду».

Въ то время, когда изъ Богодухова было послано письмо Шервуда Аракчееву, Пестель съ Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ возвращался съ послѣдняго, въ то лѣто, съѣзда изъ Каменки. Оба они были скучны. Легкая вѣнская коляска Пестеля мягко катилась по зеленымъ полямъ. Сытая четверня полковыхъ саврасовъ бѣжала бодро. Бубенчики прїятно позванивали.

— Какъ твои стихи? — задумчиво спросилъ товарища Пестель: ну тѣ, что ты, помнишь, написалъ въ Каменкѣ? Скажи еще разъ; я такъ ихъ люблю....

Неразговорчивый и робкій, нѣжный нравомъ, Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ помедлилъ, слегка покраснѣлъ и негромко, съ чувствомъ, прочелъ желаемое шестистишіе:

*«Je passerai sur cette terre,
Toujours rêveur et solitaire,
Sans que personne m'ait connu.
Ee n'est qu' à la fin de ma carrière,
Que par un grand trait de lumière
On verra ce qu' on a perdu....»*

— Превосходно и вѣрно! — сказалъ Пестель: это напоминаетъ Ламартина.... Ты въ душѣ поэтъ.... Вѣрно выразился.... всѣ мы одинокіе, неизвѣстные міру мечтатели, и только потомство намъ произнесетъ вѣрный судъ....

Путники нѣкоторое время проѣхали молча. Солнце клонилось къ закату. Душистая, вечерняя мгла понемногу застилала желтѣющія украинскія степи. Безчисленные кузнечики стрекотали въ травѣ, заглушая бубенчики лошадей.

Пестель сообщилъ, что, въ бытность въ Петербургѣ, онъ навѣстилъ сочлена по союзу, Анненкова, который собирается жениться на

красавицѣ Жюстинѣ.

— Ты не повѣришь, какъ счастливы эти голубки! — сказалъ Пестель: глядя на нихъ, я мыслить, — когда же кончатся наши бури?

Муравьевъ, слушая товарища, задумался о сватовствѣ Мишеля. Его сердце невольно сжималось, при мысли: угадываетъ-ли возлюбленная этого горячаго и безразсудно-смѣлаго мальчика, принятаго имъ въ члены и наконецъ въ бояре, какая судьба можетъ его ждать и ему грозить?

— Знаешь-ли, я думаю, — вдругъ сказалъ, какъ всегда на французски, Пестель: пожалуй, хорошо, что рѣшили оставить эти безумныя попытки въ лагеряхъ, подъ Бѣлой Церковью и Бобруйскомъ.... Эти военныя заявленія.... преторіанство! Охъ, не нравится все это мнѣ.... какъ бы не напортили нетерпѣливые, особенно въ Петербургъ.....

Муравьевъ съ удивленіемъ взглянулъ на спутника.

— Слушай, — продолжалъ болѣе оживленно Пестель, высовываясь изъ коляски и какъ бы ища свѣжаго воздуха, простора: я страстно любилъ и люблю отечество и всегда горячо

желалъ ему счастья. Если бы мирно удались наши предположенія, если бы мирно.... о! клянусь; я хоть не православный, удалился бы въ Кіевскую лавру и кончилъ бы жизнь, съ благодарностью Богу, монахомъ. Меня подозрѣваютъ въ честолюбивыхъ, суровыхъ замыслахъ. Говорятъ, что я противъ демократа Сперанскаго и за олигарха Мордвинова! Партіи!.. Дайте намъ только свободу мнѣній и рѣчи, — не будетъ ни Аракчеева, ни другихъ своекорыстныхъ, темныхъ силъ, — будетъ одна неподкупная и всѣмъ ясная истина. Ты, мой другъ, лучше другихъ знаешь, что во всѣхъ моихъ увлеченіяхъ и, подъ часъ не въ мѣру, горячихъ словахъ всему виной наша горькая, тяжная доля. Клянусь, мое сердце не участвовало въ томъ, что порою творила голова.

Муравьевъ горячо пожалъ руку товарища.

— Я всегда былъ противъ твоихъ враговъ, — сказалъ онъ голосомъ, въ которомъ дрожали слезы: ты не изъ тѣхъ слабосердыхъ, оставившихъ насъ, что между тѣмъ предлагали устройство тайныхъ типографій и выпускъ фальшивыхъ денегъ. Ты всегда ясно

опредѣлялъ цѣль и шель къ ней прямо.

— Отъ меня, какъ слышу, — произнесъ Пестель: нѣкоторые наши хотѣли избавиться.... знаешь-ли? тебѣ одному откроюсь, какъ другу — Я давно уже колеблюсь.... и тебѣ о томъ намахалъ.... Наши силы обоюдо-острый мечъ. Выскочатъ, прорвутся нетерпѣливые, и наши мирныя цѣли погибли.... Во мнѣ зрѣеть иное, высшее убѣжденіе.... Правъ Николай Тургеневъ. Онъ пишетъ мнѣ, - ничто всѣ наши усилія передъ вопросомъ освобожденія крестьянъ, съ него надо начать, въ немъ спасеніе....

— Въ чемъ же ты колеблешься? — спросилъ Муравьевъ, удивленный необычною откровенностью и волненіемъ товарища.

— Не поѣхать-ли прямо къ государю? — проговорилъ и замолчалъ Пестель: не сознаться-ли ему во всемъ, объявивъ, что мы покидаемъ свои замыслы и отдаемъ наши труды и цѣли на его судъ? Кто сильнѣе его? Онъ одинъ въ силахъ, никто болѣе его.... А его умъ и доброта.... Ты не вѣришь, думаешь, что я боюсь измѣны, гибели? Смерть прійму съ радостью, съ наслажденіемъ. Меня пугаетъ

иное: не дерзко-ли, выходя изъ прямыхъ, положительныхъ правъ, такъ искушать провидѣніе?

Муравьевъ не отвѣчалъ. Слова предсѣдателя союза подавили его, потрясли.

— Надо подумать, — сказалъ онъ: часъ добрый! вопросъ очень важный... Только ты слышалъ, государь ѣдетъ въ Таганрогъ, и смотровъ не приметъ. Гдѣ его увидишь?

— Не удадутся наши стремленія, — насъ обвинить, предасть и проклянетъ тотъ же общественный судъ; будутъ возмездія — скажутъ, вы отбросили общество въ глубь, во времена Анны, а то и далѣе... Отпрошусь въ Таганрогъ, поѣду туда и все передамъ государю; онъ спасетъ наши труды.

Коляска мчалась также плавно. Трещали кузнечики, гремѣли бубенцы. Вечеръ надвигался на темнѣвшія окрестности. На одномъ поворотѣ выглянула и опять скрылась Каменка.

* * *

Отвѣтъ Аракчеева послѣдовалъ скоро. Въ Богодуховъ прискакалъ фельдъегеръ, нашель въ указанномъ мѣстѣ Шервуда и въ

нѣсколько дней домчалъ его въ Грузино.

1881

Комментарии

Григорий Петрович Данилевский (1829–1890) — писатель и публицист. По окончании Петербургского университета служил в Министерстве народного просвещения. Дебютировал как поэт и прозаик в середине 1840-х гг.; выделялись очерки, посвященные описанию родной Данилевскому Украины. Был знаком с Гоголем, которому отчасти подражал. После 1857 г. жил в своем имении в Харьковской губернии, много занимался народным просвещением. В повестях и романах описывал нравственный распад помещичьего дворянства накануне реформ («Село Скоропановка»), массовое бегство крепостных в предреформенное время в Приазовье («Беглые в Новороссии»). В 1870-е гг. служил в Главном управлении по делам печати, был редактором газеты «Правительственный вестник». В это время сосредоточился на исторической тематике; получил доступ к секретным архивным документам. Романы «Мирович» (1875), «Княжна Тараканова» (1883) и «Сожженная Москва» (1886) принесли Данилев-

скому широкою известность, в том числе и за границей, они переиздаются до сих пор. В 1879 г. объединил несколько своих повестей («безгрешных сказок о привидениях, явлениях духов и прочей бесовщине») в цикл «Святые вечера»; одна из этих повестей публикуется в настоящем издании.

[^^^]